

Николай Евгеньевич Буренин «ПАМЯТНЫЕ ГОДЫ»

Воспоминания

Лениздат 1967

Тираж 25000 экз.

(Избранные главы. В данную электронную версию не вошли главы: «Годы детства и юности», «Первый арест», «Встречи с Горьким», «С Горьким в Америке», «В Италии», «Год в тюрьме», «Общество изящных искусств»).

Николай Евгеньевич Буренин прожил долгую и интересную жизнь. В своих воспоминаниях он рассказывает о большевистском подполье, о Боевой технической группе, действовавшей при ЦК РСДРП (б) в 1905 году, о встречах с В. И. Лениным, с видными работниками партии: Е. Д. Стасовой, Л. Б. Красиным и другими.

Жизнь Н. Е. Буренина была связана с известными деятелями русского и западного искусства: артистами, писателями, художниками. Особенно тепло вспоминает автор о А. М. Горьком, М. Ф. Андреевой. Многие страницы книги посвящены музыкальной, литературной жизни России того времени.

Это – второе издание книги Н. Е. Буренина (исправленное и дополненное). Оно содержит предисловие А. М. Горького, написанное в 1931 году к брошюре Буренина «Люди большевистского подполья». В книге опубликован ряд новых фотографий, расширился за счет новых материалов и биографический очерк об авторе.

О мемуарах Н. Е. Буренина

Предисловие А. М. Горького к брошюре Н. Е. Буренина «Люди большевистского подполья»

Автор воспоминаний – один из тех русских интеллигентов конца XIX века и начала XX века, которые поняли, что единственной силой, способной преобразовать мир, является рабочий класс. Это неопровержимо доказывалось учением Карла Маркса, об этом убедительно писал В. И. Ленин, на это указывала работа немецкой партии социал-демократов, партии, которая в ту пору переживала «расцвет сил».

Но, разумеется, гораздо более решительно, чем идеи, книги, интеллигенцию толкало в сторону трудового народа сознание ее шаткости, неустойчивости ее социальной позиции, сознание ее материальной необеспеченности и политической беспризорности. Об этом не говорили, не писали, но это более или менее хорошо чувствовали. Говорили и писали о страданиях народа, о любви к нему, о решающей «роли личности в истории», и весь этот не очень искусно придуманный политический романтизм ставил целью своей организацию сознания интеллигенции как силы вне- и надклассовой. В конце концов это было учение о самодержавии индивидуальности, а в основе его лежало убеждение интеллигента в том, что он умнее приказчиков царя и приказчиков купца. Конечно, так оно и было на самом деле.

Самодержавное правительство и промышленность не могли поглотить и утилизировать в свою пользу всего запаса интеллектуальных сил страны. Запас этот с каждым годом разрастался все более и, разрастаясь, пролетаризировался. Количественный рост не глупых, но

Лишних людей был уже в начале 80-х годов настолько велик, что один из министров народного просвещения нашел необходимым затруднить поступление в гимназии «кухаркиных детей» и был запрещен прием семинаристов в университеты.

В 90-х годах интеллигенты пошли на фабрики и заводы по тем же соображениям, по которым они за 20 лет до этого ходили «в народ». «В народ» ходили для того, чтобы поднять крестьянство против царя и помещиков, чтобы вызвать крестьянский бунт; это не удалось, да и не могло иметь успеха.

На фабрики, на заводы пошли с целью более скромной: организовать социалистическую партию рабочих. Это отлично удалось, хотя впоследствии многие из организаторов Российской социал-демократической рабочей партии и превратились из революционеров в пошлейших буржуазных реформистов.

В начале XX века Российская социал-демократическая рабочая партия имела довольно обшир-

ное и сложное хозяйство. Нужно было обслуживать партийное подполье литературой, Стр.2
нужно было печатать ее внутри страны и доставлять из-за рубежа, из Швейцарии, Германии.
Кроме того, нужно было доставать денег для партии, устраивать явочные квартиры для подпольщиков и многое другое.

К группе людей, которые занимались этим делом, «партийных техников», и принадлежал автор этих воспоминаний. Он человек из богатой купеческой семьи, и таких, как он, в этой «технической» группе было несколько, а в партии их работал, вероятно, не один десяток, считая скромно. Все это люди материально обеспеченные, люди из враждебного класса, далеко не пролетарии. Их отличительной чертой была скромность, беззаветная преданность делу партии и неугасимая вера в победу рабочего класса. Лично я знал и знаю многих из них, но — ни одного авантюриста, ни одного человека с расчетом получить в будущем, после победы, какую-то награду за свою работу, а ведь в партии было довольно много людей, которые рассчитывали на карьеру. В 1905 году почти все работали в «Боевой группе» при ЦК большевиков.

Крайне характерен для этой группы факт, что за все время ее активной деятельности среди ее членов не оказалось ни одного предателя, не было провокаторов. Работала она не только в годы боев, но и после поражения, когда трусы бежали из революционных партий, а подлецы занялись подлым делом предательства. Лопнула, как гнилое яйцо, боевая организация эсеров, во главе которой стоял самый гнусный из провокаторов Евно Азеф, типичный мещанин и торгош — он продавал террористам губернаторов и министров, а террористов спокойно продавал департаменту полиции. Моральный развал 1907—1908 годов не задел ни одного из членов «Боевой организации при ЦК (б)». Когда ЦК ликвидировал эту группу, как «боевую», члены ее продолжали техническую работу и взялись за пропагандистскую; многие из них и до сего дня скромно и беззаветно работают в партии.

Чем и как можно объяснить уход этих людей из своего класса в стан его врагов? Это — честные, здоровые люди, они задыхались в условиях буржуазной обстановки. Другого объяснения я не знаю. Люди почувствовали веяние настоящей свободы и пошли туда, откуда оно исходило. И до сего дня многие из них сохранили старые связи, старую дружбу с рабочими.

Когда-нибудь наши молодые художники слова изобразят этот процесс раскола в среде буржуазии и переход их детей в армию врагов своего класса. Хотелось бы, чтобы книги на эту тему были написаны скорее и как можно лучше. Это нужно потому, что процесс, пережитый здоровой частью нашей интеллигенции, начинает развиваться в Европе, а интеллигенты Запада могли бы кое-чему поучиться на примере тех наших, которые скромно, честно и неутомимо служили и служат великому делу рабочего класса. Там, на Западе, лучшие представители буржуазной интеллигенции тоже начинают постепенно переходить на сторону рабочего класса, в его партию — в коммунистическую партию. Если ими решено идти путем тех людей, о которых я говорю, они могут оказать делу коммунизма и серьезную идеологическую помощь, например, в борьбе за рабочий класс против социал-демократии, и не менее серьезную техническую помощь в деле культурного и боевого вооружения рабочих масс. Им, интеллигентам Европы, тоже хорошо бы воспитать в себе ту дальновидность сердца, которая помогла автору этих воспоминаний отдать лучшие силы и лучшие годы жизни делу рабочего класса.

М. Горький

20/VII 1931 г.

Предисловие Е. Д. Стасовой к первому изданию книги «Памятные годы»

Воспоминания Н. Е. Буренина «Памятные годы» являются, на мой взгляд, значительным вкладом в нашу мемуарную литературу, дают читателю ценные дополнительные сведения о деятельности партии на заре ее истории.

На примере собственной жизни автор воспоминаний показывает, как в партию рабочего класса шли лучшие люди из интеллигентных кругов России, отдельные выходцы из среды буржуазии.

Поучителен рассказ Н. Е. Буренина и о том, как он, выросший в среде, где влияние церковников было очень велико, освободился от религиозных пут, стал противником мракобесия.

Многое из того, о чем рассказывает Н. Е. Буренин, мне знакомо и по собственным, личным воспоминаниям. С 1901 года мы были связаны с ним совместной подпольной партийной работой. Я хорошо помню, какую большую службу в деле транспортировки большевистской литературы сослужило имение Кириасалы, принадлежавшее Софии Игнатьевне Бурениной — матери Н. Е. Буренина. Это имение находилось неподалеку от русско-финляндской границы, вблизи почтовой

и таможенной станции Коркиямякки. Имение Кириасалы было использовано в 1905 году и Стр.3 для доставки оружия.

Большой интерес представляют воспоминания Н. Е. Буренина об А. М. Горьком. Когда читаешь «Памятные годы», — как живые встают Алексей Максимович Горький и Мария Федоровна Андреева. Автор показывает, какую огромную помощь оказывал Алексей Максимович Горький подпольной партийной работе, что мне особенно известно по началу 900-х годов.

Мне кажется, что никто до сих пор не рассказывал так ярко о любви А. М. Горького к музыке, как это сделал Н. Е. Буренин.

Считаю, что очень ценны и страницы воспоминаний, где автор повествует о том, как он и другие товарищи вели музыкально-просветительную деятельность среди широких рабочих масс. Вспоминая прошлое, думаешь о том, какие безграничные возможности для приобщения масс к искусству открываются в настоящее время. Надо полностью использовать эти возможности, шире знакомить трудящихся с классической музыкой, как зарубежной, так и русской, советской.

С большим интересом читаются и те страницы, которые знакомят с отдельными представителями большевистского подполья, с тем, как самоотверженно выполняли они указания В. И. Ленина, проводили в жизнь линию партии. Автор рассказывает об А. М. Игнатеве, так много сделавшем в 1905 году для транспортировки • оружия в Россию, вооружения боевых рабочих дружин.

Очень немногие знают о той огромной помощи, которую оказывала революционному движению в России Финляндия — различные слои ее общества. Об этом также рассказывается в книге.

Не перечислишь всего, что придает воспоминаниям Н. Е. Буренина большое значение. Они интересны и для широких слоев читателей, и для историков нашей партии и революционного движения.

Хочется отметить язык воспоминаний — простой и образный.

Из скромности автор воспоминаний о многом не рассказал. Следует подчеркнуть, что Н. Е. Буренин выполнял ответственные поручения партии не только в период борьбы против самодержавия и капитализма, но и после октября 1917 года.

Мне вспоминается тяжелый 1919 год. Наступление четырнадцати держав на Советскую республику создавало настолько опасное положение, что для партии не исключена была необходимость вновь уйти в подполье, если бы силы внутренней контрреволюции и иностранные интервенты взяли верх. И вот пришлось заранее заботиться о паспортах для всех членов ЦК, и для В. И. Ленина в первую очередь. Нужно было обеспечить партию и материальными средствами.

С этой целью было подготовлено большое количество бумажных денег царских времен (так называемых «екатеринок», то есть сторублевки с портретом Екатерины). Для обеспечения их сохранности были сделаны оцинкованные ящики, в которые эти деньги были упакованы и переданы Николаю Евгеньевичу Буренину для сохранения их в Петрограде. Он закопал их, насколько я знаю, за городом, где-то в Лесном, а впоследствии даже сфотографировал их раскопку, когда Советская власть окончательно утвердилась.

Тогда же на имя Н. Е. Буренина (как купца по происхождению) был оформлен документ о том, что он является владельцем гостиницы «Метрополь». Сделано это было с целью обеспечить партию материально. К счастью, Н. Е. Буренину не пришлось воспользоваться документом. Однако этот факт говорит о том, каким большим доверием со стороны ЦК партии пользовался Николай Евгеньевич.

Не сомневаюсь, что книга Н. Е. Буренина получит высокую оценку читателя.

Е. Д. Стасова

В доме Стасовых

В самом конце прошлого века я познакомился с Дмитрием Васильевичем Стасовым. Вспоминаю свою встречу с ним на одном из концертов симфонической музыки, происходивших в зале Дворянского собрания (ныне в этом здании помещается Ленинградская государственная филармония).

Посетители этих концертов всегда видели в одном из первых рядов партера двух маститых старцев. Они и сейчас, спустя шестьдесят с лишним лет, как живые, стоят перед моими глазами.

Один из них—человек богатырского телосложения, с большой седой головой. Он Стр.4
обладал мощным басом, и когда во время антрактов разговаривал о чем-либо с соседями, его «тихий шепот» слышали за несколько рядов. Это был Владимир Васильевич Стасов, известный всему миру музыкальный и художественный критик, выдающийся деятель русской культуры.

Другой — худой, очень высокий, белый как лунь, с длинными седыми волосами, с кругловатой бородой, в неизменном пенсне на черном шнурке. Это был младший брат Владимира Васильевича — Дмитрий Васильевич Стасов, старшина присяжных поверенных Петербурга. Он занимал известное место в политической и общественной жизни Петербурга. Достаточно вспомнить, что Дмитрий Васильевич был защитником в ряде знаменитых политических процессов второй половины прошлого века, в частности в процессах 193-х, 50-ти, процессе Каракозова. У него в квартире постоянно жили подзащитные, взятые им на поруки.

Обо всем этом я узнал позже, когда ближе познакомился с Дмитрием Васильевичем и его семьей. В момент же нашего знакомства меня интересовала в первую очередь общественно-музыкальная деятельность Дмитрия Васильевича. Хороший музыкант и друг Глинки, он был наряду с Антоном Рубинштейном и Кологривовым основателем Петербургской консерватории. Дмитрий Васильевич был также одним из основателей Русского музыкального общества, знакомявшего широкую публику с лучшими образцами классической музыки. Кроме того, он принимал живое участие в работе многочисленных обществ, в частности общества «Помощь в чтении больным и бедным». Я предложил Дмитрию Васильевичу устроить концерт в пользу этого общества.

Разговор происходил в зале Дворянского собрания после очередного концерта симфонической музыки. Супруги Стасовы — Дмитрий Васильевич и Полина Степановна — горячо встретили мое предложение. Узнав, что я играю, аккомпанирую и хорошо читаю ноты с листа, они пригласили меня провести у них вечер в ближайший четверг.

Это предложение было для меня очень лестным. Дмитрия Васильевича Стасова знал и уважал весь интеллигентный Петербург. С нетерпением ждал я назначенного дня.

По четвергам в квартире Стасовых на Фурштатской улице (ныне улица Петра Лаврова) бывали известные художники, артисты, композиторы, музыканты. Здесь пели, музицировали.

Мне живо вспоминается первый четверг, который я провел у Стасовых. Едва переступив порог подъезда, я услышал музыку, доносившуюся с четвертого этажа. На вешалке в передней вперемешку с дорогими шубами и генеральскими шинелями с бобрами виднелись скромные пальтишки студентов и курсисток. В гостиной толпились запоздавшие гости: никто не смел до перерыва войти в комнату, откуда доносились звуки роялей. Играли в восемь рук. За двумя роялями сидели Дмитрий Васильевич, два его сына Андрей и Борис и кто-то из гостей.

Когда игра закончилась, Дмитрий Васильевич, чуть согнувшись, мелкими шажками, несколько странными при его огромном росте, вышел навстречу вновь пришедшим гостям, приветствуя их. Причем мне бросилось в глаза, что он был равно любезен и с каким-нибудь высокопоставленным лицом — знаменитым артистом или артисткой, и с никому не известным молодым человеком.

Дебют мой в доме Стасовых прошел удачно. Меня усадили за рояль и, когда убедились, что я дела не порчу, признали достойным партнером. С этого дня я стал завсегдатаем четвергов, мне всегда было приготовлено место у рояля. Потом меня приглашали и по воскресеньям, когда у Стасовых собирались только родные, самые близкие знакомые. После обеда мы играли на двух роялях: Дмитрий Васильевич и я — на одном, Андрей и Борис — на другом.

Больше всего меня волновало и беспокоило присутствие на этих домашних концертах Владимира Васильевича Стасова. Ведь многие вещи я играл впервые, игра моя была далеко не безупречна, а Владимир Васильевич был таким строгим ценителем, слушал лучших в мире музыкантов. Как сейчас помню его тяжелую фигуру, горой возвышавшуюся на низком кресле. Иногда казалось, что Владимир Васильевич заснул: сидит с закрытыми глазами, с лицом, обращенным в потолок. Но стоит запнуться, остановиться, как он открывает глаза и недовольно поворачивается в сторону исполнителя.

Когда исполнялись любимые вещи Владимира Васильевича — произведения Мусоргского, Бородина, Глазунова, Римского-Корсакова, скерцо из квинтета Брамса или «Пассакалья»

Баха, — он не мог сидеть спокойно. Вставал с кресла, бродил по комнате, подходил к играющим и как-то гудел, выражая свое удовольствие. Стр.5

Но вот перерыв. Все идут в столовую. В дальнем конце стола, за самоваром, сидит дочь Стасовых Елена Дмитриевна. Одета обычно в черное платье, она с приветливой улыбкой разливает чай. Я заметил, что вокруг Елены Дмитриевны был свой мир, живший какими-то особыми интересами. Что это за мир, я узнал позже.

Выйдя из тюрьмы после ареста у Казанского собора, я поспешил к Стасовым. Здесь меня встретили с горячим сочувствием.

Кровавая расправа над студентами и рабочими, которую учинило царское правительство у Казанского собора 4 марта 1901 года, вызвала возмущение передовой русской интеллигенции. Ученые, писатели, видные общественные деятели в своих гневных письмах, направленных в редакции газет, обличали произвол и насилие властей.

Были очень взволнованы в те дни и братья Стасовы—Владимир Васильевич и Дмитрий Васильевич. Увидев меня после выхода из тюрьмы, они заставляли вновь и вновь рассказывать со всеми подробностями о происшедшем у Казанского собора, о днях, проведенных в заключении. Дмитрий Васильевич даже предложил отпечатать мой рассказ на гектографе для нелегального распространения.

Внимательно слушала мри горячие рассказы, полные возмущения бесчинствами полиции, и Елена Дмитриевна. Она словно изучала меня. А спустя некоторое время, когда мой пыл несколько поостыл и я обрел равновесие духа, Елена Дмитриевна решила, что настало время для откровенного разговора.

Этот разговор навсегда остался в моей памяти. Ведь с него началась новая полоса моей жизни.

Елена Дмитриевна познакомила меня с условиями революционной работы в подполье и предложила помогать ей. По ее словам, я был подходящим человеком для такой работы. Семья наша была вне подозрений: достаточно сказать, что мой брат, дяди, муж сестры были офицерами лейб-гвардии. Я нигде не служил, в средствах не нуждался, мог свободно располагать своим временем, имел много знакомых. Всё это должно было облегчить мою работу. Правда, я был арестован у Казанского собора, но вряд ли полиция придала этому факту серьезное значение. Что, в самом деле, могло быть общего с революционерами у выходца из семьи Бурениных? Очередная прихоть баловня судьбы...

На предложение Елены Стасовой я, не задумываясь, ответил согласием. Выстрелы у Казанского собора определили мое отношение к господствующему строю. Я горел желанием принять участие в борьбе с царизмом. А Елена Дмитриевна постепенно все больше посвящала меня в свою работу, рассказала о деятельности Российской социал-демократической рабочей партии, о газете «Искра», о Владимире Ильиче Ленине.

В конспиративном отношении условия для нашей совместной работы с Еленой Дмитриевной Стасовой были необычайно удобными. Мы могли часто видаться в доме ее родителей. Я состоял членом общества «Помощь в чтении больным и бедным», председателем которого был Дмитрий Васильевич Стасов. К тому же моя мать была казначеем в обществе «Детская помощь», где председательствовала мать Е. Д. Стасовой. Мне доводилось устраивать концерты в пользу этих обществ. Словом, меня считали своим человеком в семье Стасовых, и я не должен был из своих посещений делать тайны.

Вспоминаю, как однажды, обмотанный нелегальной литературой, только что прибывшей из-за границы, явился я к Стасовым, чтобы передать литературу Елене Дмитриевне. В квартире Стасовых, как это часто бывало, музицировали. Мой приход был очень кстати: требовался партнер для игры в восемь рук. Меня радостно встретили и сразу же, не дав опомниться, усадили за рояль. Чувствовал я себя в своем бумажном панцире весьма неловко и поэтому играл плохо, несусветно врал, что вызвало общее удивление. Мать Елены Дмитриевны сокрушалась:

— Какая впечатлительная натура у Николая Евгеньевича! Очевидно, он чем-то расстроен сегодня.

Страдал я и за чаем. Только выйдя из-за стола, я смог наконец проникнуть в комнату Елены Дмитриевны и «разгрузиться». После этого моя «впечатлительность» сразу прошла. Я вернулся в гостиную, сел за рояль и играл вполне прилично.

Хочу сказать о том, как относился к революционной работе своей дочери и ее друзей отец

Стр.6
Елены Дмитриевны. Подпольщики бывали в его доме очень часто. Во все часы дня, а иногда и поздней ночью мы являлись сюда по разным срочным и сугубо секретным делам. Никогда Дмитрий Васильевич не расспрашивал нас, но мы отлично видели, что он многое знает, о многом догадывается.

Помню такой случай. Решив показать мне какую-то книжку или ноты, Дмитрий Васильевич подошел к книжной полке в своем кабинете, достал книгу. Вдруг из нее вылетела не то записка, не то нелегальная брошюрка или прокламация. Надо было видеть, как лицо его выразило недоумение, как брови поднялись кверху, как лукавые искорки зажглись в его глазах.

— Черт возьми, опять Леля сунула сюда свою нелегальщину, просто беда с ней, — проговорил Дмитрий Васильевич наигранно сердитым голосом и тут же бережно положил «нелегальщину» обратно.

Елена Дмитриевна окрестила меня «Борисом Ивановичем», и под этой кличкой я начал свою работу. Затем я стал «Виктором Петровичем», «Владимиром Борисовичем» и наконец «Германом Федоровичем». Последняя кличка закрепилась за мной на долгие годы. Присоединив к моей фамилии первые буквы моего имени и отчества, товарищи звали меня часто «Небурениным» в отличие от черносотенца-писателя В. П. Буренина.

Внешне моя жизнь ничем не изменилась. По-прежнему я участвовал в нескольких филантропических организациях, устраивал благотворительные концерты, музыкальные вечера в богатых домах. По-прежнему я одевался у самых модных портных Петербурга, а швейцары, получая от меня щедрые чаевые, низко кланялись и называли меня не иначе, как «ваше сиятельство».

Не раз я подумывал о разрыве с семьей, о переходе на нелегальное положение, но условия, в которых я находился, настолько помогали подпольной работе, что отказаться от них было бы преступлением по отношению к партии. Сделать это я не имел права. Мне, выходящему из богатой купеческой среды, имевшему вид весьма благополучного буржуа, удавалось легче скрывать свое лицо подпольщика.

Транспорты литературы

В начале я выполнял небольшие поручения, но постепенно круг моей деятельности расширялся. Е. Д. Стасова ввела меня в техническую группу при Петербургском комитете РСДРП.

Елена Дмитриевна была моим талантливым педагогом и руководителем в области конспирации. Она работала изумительно четко и от своих помощников также требовала самой строгой дисциплины, не допуская никакой мягкотелости. Владимир Ильич как-то дал Е. Д. Стасовой кличку «Абсолют».

Первое время требования Е. Д. Стасовой казались мне чрезмерно суровыми. Но вскоре я убедился в том, что Елена Дмитриевна права, что в своей конспиративной работе мы идем единственно правильным путем. Техническая работа в условиях подполья была крайне сложной, трудной и ответственной. Нечего и говорить, что малейшая ошибка вела к провалу, наносила большой вред нашему делу. Для многих товарищей она могла повлечь за собой тюрьму, ссылку, каторгу.

Очень подкупала в Елене Дмитриевне ее постоянная бодрость и жизнерадостность даже в самые, казалось бы, критические минуты. Следуя ее примеру, я старался быть таким же, вырабатывать в себе внутреннюю дисциплину и самообладание.

В 1901 году Е. Д. Стасова, будучи агентом ленинской «Искры» в Петербурге, поручила мне организовать транспортировку в Россию через границу нелегальной социал-демократической литературы. Это было нелегкое, но очень важное дело. Владимир Ильич Ленин придавал большое значение организации транспортов марксистской литературы в Россию.

Существовали разнообразные способы пересылки литературы. Склеенные номера «Искры», а позже газеты «Вперед» и других большевистских газет, напечатанные на специальной тонкой бумаге, заделывались в переплеты детских книг или альбомов, которые высылались в Россию по определенным адресам. Получив такую книгу, оставалось снять переплет, размотать газеты в теплой воде, отделить лист от листа, просушить, а затем уже можно было и читать газету.

Как вспоминает Е. Д. Стасова, специальная мастерская в Петербурге на Бассейной улице (ныне улица Некрасова) получала аляповатые гипсовые фигурки, в которых заделывалась

Стр.7
нелегальная литература. Литература изымалась, а фигурки продавались на улицах горо-
да.

Очень удобный способ пересылки писем и рукописей из-за границы нашел наш товарищ Владимир Мартынович Смирнов (партийная кличка «Паульсон»). Он использовал тайную почту финляндского «кагала». Такое прозвище петербургская черносотенная газета «Новое время» дала в насмешку финляндской партии «пассивного сопротивления», выступившей против беззаконий царизма, за соблюдение конституционных законов Финляндии и прав ее граждан. «Пассивисты» затем и сами стали называть себя «кагалом». В отличие от «активистов», считавших необходимым бороться за независимость Финляндии активным путем (под активным путем «активисты» подразумевали главным образом путь индивидуального террора), «пассивисты» ограничивались критикой в печати. И те и другие были, конечно, очень далеки по своим идейным взглядам от социал-демократов. Однако и «активисты» и «пассивисты» охотно помогали русским революционерам, считая своими союзниками всех, кто борется против царизма.

Почта «пассивистов» регулярно функционировала между Петербургом и Гельсингфорсом. Из Петербурга ее отправлял вместе со служебной железнодорожной перепиской в особой сумке служащий Финляндского вокзала Отто Мальм. Эту сумку имел право вскрывать в Гельсингфорсе только приятель Отто Мальма, также сторонник «кагала». Таким же путем переправлялась почта и из Гельсингфорса в Петербург. Через В. М. Смирнова мы установили связь с Отто Мальмом, и с его помощью посылали через Финляндию в «Искру», а позже и в газету «Вперед» значительную часть корреспонденции из России.

Связи В. М. Смирнова с финнами облегчались тем, что он, как и его мать Виргиния Карловна, шведка по национальности, отлично владел финским и шведским языками. Еще будучи студентом Петербургского университета, Владимир Мартынович организовал доставку марксистской литературы в Петербург через финских железнодорожников.

Вспоминая о В. М. Смирнове, не могу не сказать о его матери. Это была чудесная старушка. Зная о нашей подпольной работе, она добродушно ворчала, что мы «не делом занимаемся», а сама рада была хоть чем-нибудь нам помочь. Очень опасаясь за своего сына, она часто предпочитала брать на себя выполнение весьма рискованных поручений.

Припоминаю такой случай. Виргиния Карловна пошла к рабочему железнодорожной мастерской на Финляндском вокзале Парикки, через которого Смирнов часто получал нелегальную литературу из Гельсингфорса. Проживал Парикки где-то на Выборгской стороне. Виргиния Карловна вышла из квартиры Парикки на улицу с тяжелыми корзинками, наполненными литературой, в обеих руках. В это время полиция по каким-то причинам оцепила квартал, где находилась Виргиния Карловна. Но женщина не растерялась.

— Скажи-ка, батюшка, как мне пройти на Симбирскую улицу? Видно, запуталась я, не туда попала, — обратилась она к одному из городских.

Среднего роста, очень полная, в черной кружевной косыночке на голове, с ласковой, располагающей улыбкой, она выглядела типичной петербургской нянюшкой, подобно тем, какие во многих семьях растили барчуков. Никаких подозрений у городского Виргиния Карловна не вызвала. Он указал ей дорогу, даже помог выйти из оцепления и проводил до конки.

Очень остроумно хранила Виргиния Карловна список наших зашифрованных адресов-связей. Сама она почти никогда не расставалась с вязаньем... Сидит благообразная старушка и вяжет, а клубок с вязаньем лежит в рабочей корзинке или мирно катится по полу. Кому в голову придет мысль, что в этом клубке хранятся адреса подпольных явок?

Владимир Мартынович Смирнов часто наезжал в Гельсингфорс и организовал транспортировку литературы из Стокгольма в Финляндию. Вначале это делалось довольно примитивно. Кто-нибудь из финнов по поручению Смирнова отправлялся в Стокгольм, откуда на себе перевозил небольшую партию прибывшей туда из Женевы литературы — около пуда. Два или три таких рейса прошли удачно, но затем человек, перевозивший литературу, был задержан. Нужно было искать надежные способы массовой транспортировки литературы.

Центральный и Петербургский комитеты РСДРП считали необходимым широко использовать Финляндию для транспортировки литературы из-за границы в Россию.

Вместе с В. М. Смирновым мы установили связь с Народным домом в Стокгольме. Из Швейцарии багажи с литературой шли в Стокгольм, в адрес Народного дома. В Стокгольме

литературу грузили на пароходы, прятали среди угля и таким образом направляли в Стр.8 Гельсингфорс, а затем в Выборг.

Большую помощь оказывали нам начальники станций и другие железнодорожные служащие на линии Выборг–Петербург. Ящики с нелегальной литературой направлялись на эти станции под видом яблок, домашних вещей и т. д. Имея накладные, мы являлись за этими грузами, получали их и отправляли в Петербург.

Иногда наши друзья – финские железнодорожники – сами выкупали эти грузы, брали их к себе домой. Затем к ним приезжали из Петербурга на «кофе» знакомые «дачники», а иными словами – студенты и курсистки, наши транспортеры. Кофе с финскими булочками благотворно «влиял» на молодых людей: приходили они в гости тоненькими, а выходили значительно располневшими...

У женщин были особые карманы в нижних юбках. Кроме того, они ловко пользовались корсетами, закладывая за них брошюры. Мужчины устраивали себе панцири на спине и груди, обертывали литературой ноги.

Поскольку я руководил всем транспортом, мне самому, естественно, приходилось избегать какого бы то ни было личного участия в перевозках литературы. Но однажды на станцию Сейнино приехало меньше товарищей, чем требовалось. Пришлось нагрузиться и мне. Когда я надел панцирь из листовок, жилет нового моего костюма, узкий в талии, не сошелся чуть ли не на два вершка. Товарищи хохотали над моей раздавшейся фигурой. Одна курсистка, вооружившись ножницами, разрешила спинку жилета во всю длину и зашнуровала ее, как корсет, веревочками. Пиджак и пальто скрыли мою неестественную полноту, и я благополучно проехал через границу.

В 1902 и 1903 годах я регулярно посещал уже упоминавшегося мною ранее Отто Мальма, у которого брал уроки финского языка, так как предвидел, что моя подпольная работа будет в течение длительного времени связана с Финляндией. Но не только изучать финский язык ездил я к Отто Мальму. На уроках он сообщал мне о положении дел, передавал письма, накладные на посланную нелегальную литературу и т. д. Однажды Отто Мальм сообщил мне, что на станции Райвола (ныне Рошино) получено несколько ящиков с нелегальной литературой и желательно их взять немедленно. Требовалось спешно организовать это дело.

Была весна. Начинался дачный сезон. У меня явилась мысль инсценировать переезд на дачу и справить новоселье в виде пикника. Я немедленно поехал на поиски дачи и нашел такую на Черной речке, вдали от станций. Проехать к ней можно было с трех сторон: из Териок (ныне Зеленогорск), из Тюрисева (ныне Ушково) и из Райволы. У моей матери на чердаке я нашел старую мебель – как сейчас помню: большой диван, стол, стулья – и при помощи нашей горничной собрал посуду, которую у нас обыкновенно возили на дачу, купил массу всякой провизии, собрал «теплую компанию» из курсисток Рождественских и Бестужевских курсов, студентов-технологов, лесников, медиков и других, работавших в нашей организации. Один из товарищей выехал в Райволу за ящиками, другой под видом рабочего повез возы с мебелью, а вся компания с весельем и шумом отправилась гуртом, беспечным видом своим внушая полное к себе доверие. Всё шло гладко. Мебель была расставлена, шторы повешены. Ящики с нелегальной литературой благополучно прибыли, и хозяева дачи не могли нарадоваться на общее веселье. Публика ловко и умело нагружалась, все растолстели и, казалось, что всё сойдет хорошо. Но когда стали разгружать последний ящик, стало ясно, что всё увезти немыслимо, больше половины ящика остается, а людей не хватает. Положение получилось критическое. Оставить ящик на даче нельзя было, сдать на хранение на станцию – рискованно. Оставить у ящика кого-нибудь из товарищей тоже было невозможно, так как, не зная языка, он мог очутиться в неловком положении, навлечь на себя подозрение. Дать же какой-нибудь из наших адресов я также не мог: слишком ценны были для нас связи. Оставалось одно: всё перегрузить в один из привезенных чемоданов и поехать мне самому по направлению к Выборгу. Так я и сделал.

Проводив всю компанию, я с чемоданом вернулся в Райволу и отправил его багажом на станцию Голицино, в полукилометре от которой была почтовая станция. Здесь в маленькой избушке жил старичок-начальник, лет восьмидесяти, на адрес которого приходили иногда наши грузы. Чемодан был черной кожи, внушительных размеров, обитый бронзовыми желтыми гвоздями.

Не успел я сесть в вагон, как напротив меня появился странный субъект, начавший меня

Стр.9
рассматривать и что-то записывать в свою книжечку. Я перешел в другой вагон, но только сел и успел оглянуться, как увидел его на площадке, наблюдающего за мной через двери. Сомнений быть не могло: за мной следили. Однако я вышел из вагона и сел в поезд только после третьего звонка. Субъект тоже вышел и сел на ходу, после меня. Тогда я выбрался на площадку, загородил спиной дверь и стал «чиститься», то есть уничтожать всё лишнее, что было при мне: записную книжку, все записки и т. д.

Приехав, кажется, в Перки-Ярви (ныне Кирилловское), я вышел на платформу и пошел по направлению к багажному вагону. Сыщик меня предупредил и очутился впереди. В это время один из носильщиков получил прямо из багажного вагона чемодан, удивительно похожий на мой, но с белым набором. И тут произошло что-то необычайное. Сыщик посмотрел на меня и бросился за носильщиком. В это время раздался свисток, я на ходу вскочил в поезд и видел, как чемодан, похожий на мой, «попался». Сыщик уже успел вызвать жандарма. Чем всё это у них кончилось, я не видел, но я был спасен, и мой чемодан остался в багажном вагоне.

На станции Голицино я получил чемодан и немедленно отправил его на другую станцию на имя знакомого начальника, а сам со спокойной душой пошел к старичку, о котором упоминал. Каково же было мое изумление, когда старичок сказал, что он уже несколько дней спит на ящиках, которые пришли по его адресу, и, боясь за них, сделал себе постель, покрыв их матрацем и одеялами.

Пришлось остаться на ночь, занять единственную маленькую комнату с одной постелью и перетащить ящики к себе. Окно в комнате было еще заколочено и замазано по-зимнему, выход был только в сени, из которых вела стеклянная дверь на крыльцо. Дул страшный ветер, лил дождь, из-за густого леса ничего вокруг не было видно, деревья шумели, как разбушевавшееся море, и казалось, что в мое маленькое окошечко кто-то хочет ворваться, но, обессилев, только царапает его своими ногтями. Нервы были напряжены до последней степени, ощущение было такое, будто я попал в западню и выхода из нее нет. Погасив свечу, я попытался заснуть, но не успел задремать, как смутно услышал отрывистые голоса, через окно донесся лязг металла. Раздался стук. Грубые мужские голоса требовали открыть дверь. Не зажигая свечи, я вышел в сени и через стеклянную дверь на фоне покрытого тучами неба увидел силуэты мужчин с винтовками на плечах. Лязг оружия не оставлял сомнения — жандармы! Меня проследили и сейчас арестуют.

Я бросился обратно в комнату, с отчаянием посмотрел на маленькое окно и чуть не поддался желанию поджечь ящики. Только мысль о старичке-хозяине удержала меня от безумного шага. Пришлось покориться участи. Я решил отдаться в руки своим врагам.

Тем временем стук в дверь стал еще настойчивее: очевидно, жандармы теряли терпение. Проснулся старичок, спавший в другой половине избушки, и мы одновременно вышли в сени, чтобы впустить ночных гостей. Дверь открылась, ворвался ветер, и меня чуть не сшибли с ног собаки, гремевшие цепями. Вошли люди в охотничьих костюмах, и страшные винтовки за плечами оказались простыми ружьями. Невольно вспомнилась поговорка: «У страха глаза велики».

На следующий день я уехал в Петербург, а через неделю рабочие Обуховского, Путиловского и других заводов читали новые номера «Искры» и новые революционные брошюры.

Литература прибывала из-за границы в Финляндию всё в большем количестве. Не так просто было доставить ее из Финляндии в Петербург, переправить транспорт через русско-финляндскую границу. Я предложил Елене Дмитриевне Стасовой воспользоваться для перевозки литературы имением Кириасалы, принадлежавшим моей матери. Елена Дмитриевна вскоре сообщила, что мое предложение принято и мне поручена организация этого дела.

Имение Кириасалы находилось у самой границы с Финляндией. От Петербурга до Кириасал, если ехать Кексгольмским трактом, было около семидесяти верст. Тот, кто отправлялся сюда из Петербурга поездом, должен был доехать до финской железнодорожной станции Райвола, а оттуда лошадьми до имения.

Таким образом, выезжая из Петербурга, можно было в Кириасалы попасть и со стороны России, и со стороны Финляндии. Это обстоятельство представляло большие удобства для транспортировки литературы.

Очень важно было и то, что на территории имения находился русский таможенный пункт, арендовавший у моей матери как землю, так и постройки, необходимые для чиновников и

солдат.

Чиновник, возглавлявший таможенный пункт, его жена и дочь считали для себя весьма лестным знакомство с помещицей Бурениной и ее семьей. Они часто зазывали нас к себе, угощали чаем с вареньем, вкусными домашними наливками. Близкое соседство с имением было по душе и солдатам, которые наперебой ухаживали за хорошенькими горничными помещицы. В общем, между нашей семьей и таможенным пунктом установились вполне добрососедские отношения. Я не преминул этим воспользоваться.

Обычно груз с литературой прибывал на станцию Райвола. Получив сведения об этом, мы снаряжали из Петербурга «охотничью экспедицию»: надевали соответствующие костюмы, брали ружья, иногда прихватывали и собак создавали видимость того, что группа беспечных молодых людей собирается весело провести время на лоне природы. Когда мы приезжали в Райволу, там уже поджидал нас с лошастью и санями приехавший из Кириасал рабочий имения Микко Олыкайнен. Он был моим усердным и надежным помощником в транспортировке нелегальной литературы.

Наша группа «охотников» делилась на получающих литературу и наблюдающих. Наблюдатели должны были в случае провала немедленно уехать и предупредить о происшедшем всех, кто имел отношение к транспортировке литературы. Получив багаж и погрузив его в сани, мы возвращались в имение. При переезде через границу приходилось подчиняться некоторым формальностям. Солдат, дежуривший у шлагбаума, звонил в колокол. Появлялся досмотрщик. Он подходил к экипажу и спрашивал:

— Кто едет? Что везете? Контрабанда есть?

Узнав меня, досмотрщик приказывал солдату: «Пропусти», и мы благополучно проезжали через границу. Так мы переправили большое количество литературы, минуя таможенный пункт в Белоострове, где грузы тщательно просматривались.

Помогал мне в транспортировке литературы

Эдуард Эдуардович Эссен. Партийная его кличка была «Барон». Высокого роста, стройный, с вьющимися белокурыми волосами, он и в самом деле мог сойти за какого-нибудь немецкого или шведского барона.

Однажды мы с «Бароном» отправились в очередной рейс. «Барон» в костюме охотника, с ружьем, в высоких сапогах с отворотами отправился из Петербурга на станцию Райвола. Там он должен был выкупить багаж и дожидаться меня. Я же выехал в Кириасалы из Питера на перекладных — почтовых по Кексгольмскому тракту.

Приехав в имение, я тоже принял подобающий охотнику вид, захватил несколько красивых ковров и поехал на станцию, где находился «Барон».

В сани был запряжен удивительный конь Бурят. Когда выезжали из дому, он обычно всё время оглядывался, как бы угадывая, далеко ли едут. Заставить его бежать рысью было почти невозможно. Он нехотя шевелил ногами и всё время норовил перейти на шаг. Но стоило, доехав до какого-нибудь места, повернуть обратно — и коня было не узнать: он несся стрелой.

Когда я приехал на станцию Райвола, «Барон» уже ожидал меня. Мы выбрали время, когда у пакгауза никого не было, и стали грузиться. Уложить в сани три больших ящика было не так просто. Выломав сиденье и козлы, мы поместили два ящика, положили сверху сено. Пестрые кавказские ковры совершенно их скрыли. Но куда девать третий ящик? Решили поставить его в ногах «Барона» и, если будут спрашивать, объяснить, что в этом ящике находятся рождественские подарки для учащихся земской школы, где моя мать была попечительницей.

Пока мы возились с ящиками, время шло. На станции стала собираться публика, ожидавшая поезда. Появились и жандармы. Но мы сели в сани, и наш Бурят, почуяв, что едем домой, взял с места резвой рысью.

Стояла чудная погода, снег искрился на солнце. Наши сани, убранные пестрыми, яркими коврами, выглядели празднично. Под дугой заливался валдайский колокольчик. Из-под копыт весело бегущего Бурята летели комья слежавшегося снега и ударяли о передок саней. Сани раскачивались то в одну, то в другую сторону, казалось, вот-вот перевернутся. Но подхваченные быстрым бегом, они снова выпрямлялись и легко скользили по накатанной дороге.

От Райволы до Кириасал было верст сорок. Проехав полдороги, мы остановились, накормили и напоили лошадь, а потом тронулись дальше. Финскую таможенную мы проехали

беспрепятственно. Вот и полосатый шлагбаум русского пограничного пункта.

Как обычно, дежурный солдат позвонил. Но на этот раз вышел по сигналу новый досмотрщик, которого я видел впервые. С ним был солдат, вооруженный винтовкой и длинным прощупывающим металлическим прутком. Конечно, я допустил оплошность, непростительную для конспиратора. Появление на пограничном пункте нового досмотрщика оказалось для меня новостью.

Назвав свою фамилию, я небрежным тоном сказал, что еду домой. В ответ мне было предложено предъявить груз для осмотра. Изобразив на лице удивление, смешанное с досадой, я заявил, что везу рождественские подарки для школьников, что раскрывать ящик нельзя, так как его содержимое может от этого пострадать. Я даже попробовал прикрикнуть на досмотрщика, но этим чуть не испортил дело. Он оказался ревностным служакой и настаивал на осмотре.

Тогда я попросил досмотрщика распорядиться поднять шлагбаум и пропустить меня во двор к начальнику таможенного пункта, а у саней поставить вооруженного солдата для охраны моего имущества. Это требование, выраженное в высокомерном тоне, не допускающем возражений, сбило с толку досмотрщика. Он понял, что я с начальством в дружеских отношениях, и выполнил мое требование. Шлагбаум был открыт. Мы с «Бароном» въехали во двор, подождали, пока явится охрана, оставили сани на попечение солдата и направились к начальнику.

Чиновник и его семья встретили меня, как всегда, радушно. Когда же я представил «Барона», прибавив к его громкому титулу какую-то немецкую фамилию, семейство чиновника совсем растаяло от удовольствия. Жена отправилась хозяйничать, дочка — переодеваться. Сам же чиновник тем временем завел со мной и «Бароном» разговор на излюбленные им темы международной политики.

Затем тема нашей беседы изменилась. Я сказал, что мой друг «Барон» очень увлекается охотой, он будто бы слышал, что в нашем лесу водятся лоси, и надеется устроить на них облаву. Чиновник любезно предложил использовать в качестве загонщиков солдат таможенного пункта.

Наш радушный хозяин, человек небольшого роста, с нависшими украинскими седыми усами, с небольшим брюшком, с маленькими веселыми глазками, всем своим видом показывал стремление угодить гостям. Кажется, он готов был всю таможенную предоставит в наше распоряжение, чтобы заслужить благосклонность «Барона».

— Ольга Петровна, да где же ты пропадаешь, — торопил он супругу. — Ведь соловья баснями не кормят, гости наши, наверное, проголодались. А Шурочка куда девалась? Вот уж эти кокетливые девицы, — хлебом не корми, а дай принарядиться! Гости укатят, а мы и угостить-то как следует не успеем.

А гости действительно сидели как на иголках, думая о ящиках с нелегальной литературой. Не успели мы сесть за стол, обильно уставленный всякими закусками и разноцветными бутылочками с домашними водками и наливками, как раздался стук в дверь.

— Войдите! Кого это еще бог несет? — воскликнул хозяин.

Раскрылась дверь, и появился... вооруженный солдат, вытянувшийся в струнку:

— Ваше благородие, пожалуйста во двор! Я посмотрел на «Барона», он побледнел. У меня тоже сердце заколотилось. Чтобы скрыть свое волнение, я стал рассказывать что-то Шурочке, выпивать за ее и мамино здоровье.

Но вскоре чиновник вернулся.

— Вот ведь, извольте видеть, — пожаловался он, — без меня ничего не обходится, по каждому пустяку беспокоят! Точно у самих нет головы на плечах. А лошадка ваша здравствует, дали ей сенца и овсеца. Добрый у вас конек!

У нас отлегло от сердца. Оказывается, привезли дрова, а чиновника пригласили распорядиться, куда их положить.

Наконец настало время прощаться. Хозяева приказали подать гостям лошадь. Сопровождаемые самыми лучшими пожеланиями чиновника и его семейства, мы тронулись в путь. Об осмотре нашего груза не могло быть и речи.

Шлагбаум остался позади.

Спустя три-четыре дня наш драгоценный груз был уже в Петербурге.

Таким образом, на сей раз всё кончилось благополучно. Но этот случай заставил нас при-

Стр.12
задуматься. Кто может поручиться, что подобное не повторится и в один прекрасный день наш груз не будет осмотрен? Надо было принять заблаговременно какие-то меры.

В трех верстах от имения моей матери, в нейтральной зоне между двумя пограничными пунктами—русским (Кириасалы) и финским (Липполя) — была расположена земская школа. Находилась она в ведении моей матери.

Я решил устраивать по воскресеньям в помещении школы литературно-музыкальные вечера.

Приглашались на эти вечера чиновники с семьями, досмотрщики и свободные от дежурства солдаты. Все они были польщены оказанным им вниманием, довольны тем, что могут в глуши интересно проводить воскресные дни. А мы, организуя эти вечера, преследовали свои цели.

На литературно-музыкальных вечерах демонстрировались волшебные картины. Фонарь и картины мы получали в Петербурге, в музее технических пособий, помещавшемся в Соляном городке. Я запасся официальной бумагой с печатью на право перевоза груза через русскую границу. В бумаге было указано, что ящик не подлежит вскрытию во избежание порчи фонаря и картин.

Фонарь мы доставили в имение, где он и хранился. По мере надобности его возили в школу на воскресные чтения. Но часто бумага на право беспрепятственного провоза груза через границу охраняла от осмотра не волшебный фонарь с картинами, а нелегальную литературу, которую мы переправляли из Финляндии регулярно, раза три-четыре в месяц.

Конечно, главное было — миновать границу. Но нужно было подумать и о том, как доставить литературу из Кириасал в Петербург.

Вначале мы перевозили багаж на перекладных. Лошадей меняли на почтовых станциях Коркиямякки, Лемболово, Вартемяги, Парголово. А это было сопряжено с риском. Перекладывая груз из одних саней в другие, ямщики удивлялись, почему чемоданы такие тяжелые.

Нетрудно было догадаться, что в чемоданах книги. Не без моего участия был пущен слух, что Буренин перевозит из имения в Петербург свою библиотеку. Но это также вызвало удивление: что-то уж больно большая библиотека, никак ее не перевезти. Да и почему книги надо возить в чемоданах?

Пришлось литературу, уложенную в мешки, перевозить в подводе под видом картошки. Делал это опять-таки мой отличный и верный помощник Микко Олыккайнен.

Так литература доставлялась в Петербург, на Рузовскую улицу, в квартиру, где я жил. Но как унести в течение нескольких часов из квартиры целый воз литературы, чтобы никто ничего не заподозрил? Как доставить ее на наши явки и склады?

Тут сослужила мне службу моя общественно-музыкальная деятельность, которую я не прекратил, приступив к работе в большевистском подполье.

По-прежнему я активно участвовал в устройстве воскресных чтений и концертов в Волковой Деревне и в других рабочих районах. Репетиции к этим концертам проводились в нашей квартире. Дворник знал об этом, так как я не раз поручал ему перевозить пюпитры и инструменты для музыкантов. А то, что дворник не догадывался об истинной цели происходивших у меня собраний, было очень важно. Охранка часто поручала дворникам слежку за внушающими подозрение жильцами.

Постепенно программа воскресных чтений расширялась. Мы устраивали и спектакли. На репетициях читали пьесы с большим количеством действующих лиц. В гостиной раскладывали огромный стол, торжественно покрывали его зеленым сукном. Вокруг стола рассаживалось с книгами в руках человек десять—пятнадцать студентов и курсисток. Моя мать радовалась всему этому, так как сама очень увлекалась культурно-просветительной и филантропической деятельностью. А о том, что скрывается за этими репетициями, она тогда еще не знала.

Из гостиной участники репетиций выходили в одиночку или небольшими группами в мою комнату покурить, побеседовать. Здесь и совершалось то, ради чего главным образом проводились репетиции. Мои гости быстро раздевались и обертывались литературой. Музыканты часто уносили литературу в футлярах из-под виолончелей и скрипок.

Однажды возникла необходимость срочно в течение одной ночи разнести по районам Петербурга большую партию нелегальной литературы, доставленную на нашу квартиру.

Жил я тогда вдвоем с матерью. Кроме нас в квартире находились горничная и кухарка.

Мою комнату отделяли от комнаты матери большая гостиная и столовая. В конце Стр.13 коридора были расположены кухня и комната кухарки. Я закрыл все двери, спустил тяжелые портьеры. Горничная была до некоторой степени в курсе моих подпольных дел. Брат ее являлся рабочим одного из питерских заводов, и она хвалила меня за то, что я стоял за «рабочего человека», очень хорошо ко мне относилась и даже иногда припрятывала у себя под матрацем нелегальную литературу. Я ее предупредил, что ночью ко мне придут товарищи, я сам открою

им Двери и провожу их, но никто из домашних не должен об этом знать.

Когда в доме всё затихло, я сложил в своей комнате и в гостиной пакеты с литературой, приготовил жбаны с керосином, чтобы в случае внезапного обыска можно было быстро сжечь литературу в камине и печке. Во входных дверях я пробуравил отверстие, через которое продел веревку с наружной петлей. Когда тянули за петлю, дверная ручка, к которой была привязана веревка, слегка шевелилась, и я знал, что пришли ко мне. Все товарищи были строго предупреждены, что звонить не надо.

Всю ночь товарищи приходили, обертывались литературой или привязывали ее под платком. Всё шло гладко, но часов в пять утра кто-то, очевидно забыв о предупреждении, нажал кнопку электрического звонка. Мать проснулась. Накинув капот, она вышла в столовую и очень испугалась, увидев, что портьеры во всей квартире спущены. Войдя в гостиную, заметила свет в передней. Не успел я проводить двух последних товарищей, как портьеры раздвинулись, и я увидел мать, стоящую в дверях:

— Что случилось? Кто эти люди? Почему ты не спишь?

— Не беспокойся, мама. У меня неожиданный спектакль, всю ночь мы репетировали... Ложись спать...

К утру я придумал пространное, вполне правдоподобное объяснение, мать окончательно успокоилась.

Хочется рассказать о комическом эпизоде, случившемся в нашей квартире. Моя мать очень робела перед Еленой Дмитриевной Стасовой, которая часто приходила ко мне по партийным делам. Хотя мать и не знала тогда ничего о нашей подпольной работе, она всё-таки что-то чуяла и испытывала тревогу. Пытаясь что-либо выведать, мать частенько заводила с Е. Д. Стасовой разговор, задавала всякого рода вопросы, но Елена Дмитриевна, отвечая на них, лавировала с поистине дипломатической ловкостью и ставила мою бедную мать в тупик. Однажды мать призналась мне:

— Знаешь, Коля, когда я разговариваю с Еленой Дмитриевной, мне кажется, что она меня считает просто душой, да и сама я чувствую себя ужасно глупой.

Но однажды произошел случай, который помог моей бедной матери избавиться от робости перед Еленой Дмитриевной. К нам на квартиру прибыл большой груз с нелегальной литературой. Нужно было немедленно вынести его из квартиры и доставить на наши склады. Все товарищи работали с большим напряжением. Пришла за литературой и Елена Дмитриевна. А вскоре после нее явился и один из наших активных товарищей — Николай Николаевич Штремер.

Литературу товарищи получали, конечно, в моей комнате. Елена Дмитриевна должна была раздеться. Штремер и я стали лицом к окну, а Елена Дмитриевна принялась за дело. Спрятаться ей было негде, так как в глубине комнаты стоял лишь маленький китайский столик.

Неожиданно в дверь просунула голову наша кухарка Акси́нья. Легко представить себе ее изумление, когда она увидела Елену Дмитриевну раздетой в комнате, где находились два молодых человека. Издав какой-то нечленораздельный звук, Акси́нья моментально захлопнула дверь. Сначала мы опешили, но затем расхохотались.

Оправившись от изумления и испуга, Акси́нья помчалась к своей барыне, чтобы поделиться с ней столь потрясающей вестью.

Не менее была удивлена и барыня, вновь и вновь допрашивавшая кухарку. Обе они никак не могли объяснить себе это странное явление.

Гости мои ушли, не простившись с хозяйкой. Мне мама ничего не сказала, но больше она при встречах с Еленой Дмитриевной «душой» себя не чувствовала. Глаза ее искрились и как будто говорили: «Ты, моя матушка, плети что тебе угодно, а я всё-таки кое-что про тебя знаю».

Когда мама впоследствии узнала истинную подоплеку этого столь странного происше-

ствия, она сама долго над ним смеялась.

Несколько забегаю вперед, должен сказать, что в дальнейшем мать узнала о моей подпольной деятельности и сама стала моим верным и неоценимым помощником.

Вот что писала в своих воспоминаниях старая большевичка, член Боевой технической группы при ЦК РСДРП в 1905 году С. М. Познер: «Потом уже, спустя несколько лет после революции 1905 года, выяснилось, что постоянным источником малых и больших сумм боевой группы была мать Н. Е., покойная Софья Игнатьевна Буренина. Она широко предоставляла и свою квартиру, и давала средства для нужд партии и, в частности, боевой организации. Очень приветливо и ласково встречала она нас, часто весьма и весьма обтрепанных, в своей фешенебельной квартире на Рузовской ул., д. 3, и самое участливое отношение проявляла к нам. Она была на редкость отзывчивый человек».

Человек очень живой и непосредственный, мать не стеснялась в своих действиях. Однажды после обыска, произведенного в нашей квартире, к дому приставили городского.

Городовой чувствовал себя неловко. Как-никак хозяйка дома — помещица, сын ее — офицер лейб-гвардии, зять — тоже гвардейский офицер. Но служба есть служба. Городовой стоял, ведя наблюдение за домом. Когда мать выходила, он спешил открыть ей дверь. Матери надоел городской, и она раскричалась на него:

— Ты здесь зачем? Кто тебе приказал здесь стоять? Скажи тому, кто тебя поставил, что если я еще раз увижу твою физиономию, буду жаловаться градоначальнику.

Городовой, вытянувшись во фронт, ответил:

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Мать моя никогда «превосходительством» не была, но приняла такое обращение как должное, села в экипаж, позволила городскому застегнуть полость и уехала.

Досталось от нее и сыщику. Однажды приехав домой поздно вечером, мать вышла из экипажа. К ней подскочил незнакомый человек в бараньем тулупе, навел на нее электрический фонарик. Мать вначале опешила, но позвонила дворнику, а у подскочившего человека в тулупе спросила:

— Кто ты такой? Что тебе надо? Не зная, очевидно, с кем он разговаривает, сыщик, обряженный в тулуп, ответил:

— Я здешний дворник. А вы кто такая будете?

— Кто я такая? Ах ты, мерзавец, негодяй! Что я, своих дворников не знаю?

И, оборотясь к вышедшему дворнику, мать сказала:

— Корней, выпроводи его, и чтобы я больше его не видела.

В общем, много хлопот стало у полиции, когда завелось крамольное гнездо в таком доме.

Впрочем, потом полиция стала меньше стесняться и не раз подвергала нашу квартиру обыску.

Явки, типографии, склады

Нам, людям, руководившим технической работой Петербургского комитета РСДРП, сосредоточившим в своих руках нити от явок, складов, типографий, не рекомендовалось что-либо переносить самим или хранить в своих квартирах. Делали мы это в крайних случаях. Распространяли литературу переносчики, «транспортёры», — главным образом молодые студенты и рабочие, беззаветно преданные делу. Они действовали осмотрительно и в то же время решительно и смело. Каждую минуту им угрожала тюрьма, ссылка, каторга, но ничто не могло помешать им выполнять свой долг. В трудных условиях товарищи проявляли исключительную находчивость и самообладание.

Одним из лучших наших транспортёров был рабочий Шлиссельбургской мануфактуры Дианов. Он никогда не падал духом, никогда не отступал от требований конспирации, какие бы трудности ни приходилось преодолевать.

Однажды, приехав в Петербург, Дианов нагрузился литературой, чтобы отнести ее по указанному адресу. Но произошло недоразумение. Когда Дианов пришел на место, его «не признали». Видимо, Дианову дали неправильный адрес.

Транспортёр попытался отыскать нужный адрес, но сделать этого не смог. Уже поздно вечером он вынужден был явиться обратно на ту явочную квартиру, где получил литературу. Но опять неудача: к этому времени товарища, давшего ему литературу, здесь уже не было. Дианова встретили другие люди, совершенно ему незнакомые. Ни в какие переговоры они с

ним не вступали и, как выяснилось позже, приняли его за шпика. Так Дианов и ушел с литературой обратно. Стр.15

Что же ему было делать? Он знал адреса товарищей, знакомых по подпольной работе, но идти к ним не мог, так как это противоречило правилам конспирации. Дианов не был уверен и в том, что его не выслеживают. Не мог он с литературой возвращаться и домой.

Всю ночь Дианов, обмотанный листовками, блуждал по городу, стараясь не навлечь на себя внимания городских. Надо еще добавить, что дело было зимой.

Только утром Дианову удалось найти нужного товарища и сдать литературу. Характерно, что он не выразил ни малейшего недовольства случившимся. Наоборот, радовался тому, что всё кончилось благополучно, что он, несмотря на все трудности, выполнил партийное задание — сдал литературу куда следует.

Я привел этот обычный случай из практики наших транспортеров, чтобы читатель, в особенности молодой, понял, сколько усилий, труда стоило распространение партийной литературы в условиях подполья, с каким риском было связано это дело.

Не так просто было найти подходящую квартиру для хранения литературы. Такая квартира должна была быть исключительно надежной. Кроме того, следовало подумать, как доставлять литературу в эту квартиру, как уносить ее отсюда по районам.

Случалось, что какой-либо из наших складов литературы оказывался под угрозой. Возникла необходимость срочно очистить его. Сделать это нужно было до наступления ночи, когда, по нашим сведениям, следовало ожидать обыска. Хорошо, если удавалось заблаговременно подготовить новое, надежное хранилище. А если его у нас не было? Где разместить хотя бы временно всё, находившееся на складе?

В этих случаях приходилось действовать очень энергично, сочетая осторожность с безудержной смелостью и твердой решительностью.

Среди наших транспортеров были наряду с молодыми рабочими и отдельные выходцы из состоятельных слоев населения, честно служившие делу революции. Они, если это нужно было, умело использовали свое положение, свои связи.

Однажды товарищи, спасая склад от ожидавшегося налета полиции, принесли пакет с нелегальной литературой, обложенный ученическими тетрадями, в гимназию, где преподавала Маргарита Вячеславовна Януш. Дочь видного юриста, Маргарита Вячеславовна была членом подпольной социал-демократической организации.

Что же ей было делать с пакетом? Оставить его в гимназии? Нельзя. Маргарита Вячеславовна вышла с пакетом на улицу, обдумывая, где же его спрятать. И в этот момент она увидела шедшего навстречу... военного прокурора — товарища ее отца по Военной юридической академии. Прокурор часто бывал у них в доме, хорошо относился к Маргарите Вячеславовне и, конечно, понятия не имел о ее причастности к революционной работе. Увидев свою хорошую знакомую с тяжелой ношей, он предложил помочь. Жил прокурор неподалеку от гимназии, и у Маргариты Вячеславовны мелькнула мысль воспользоваться его квартирой.

— Вы, кажется, идете домой?—спросила она. — Это ученические работы, они мне скоро понадобятся в гимназии, может быть, вы разрешите временно оставить их у вас? Только я бы попросила хорошо спрятать пакет, чтобы никто его не развязывал, так как в нем много записочек и заметок, которые мне очень нужны, а они могут выпасть и затеряться.

Прокурор сказал, что возьмет пакет к себе в кабинет и трогать его не будет, потому что не интересуется детскими сочинениями. Так пакет с нелегальной литературой пролежал в домашнем кабинете военного прокурора, пока не был найден новый склад.

Настоящими героями были работники наших нелегальных типографий. Они делали свое дело в очень трудных условиях, под ежеминутной угрозой ареста.

Обычно под типографию приспособляли какой-нибудь подвал, над которым был склад или торговое помещение, где находились под видом лавочников или торговцев «хозяева» типографии, то есть наши товарищи, ведавшие печатанием и распространением литературы. Наборщики и печатники жили и работали в типографии нелегально, поэтому из помещения выходили очень редко, подолгу были оторваны от внешнего мира.

Каждая типография обслуживалась целой сетью передаточных квартир и несколькими десятками переносчиков. Адрес типографии был известен очень узкому кругу людей. «Хозяин» типографии получал тексты листовок в условленном месте. Для этого подыскивались самые

надежные квартиры, никак не вызывавшие подозрений полиции, или такие места, где постоянно толпилось много людей и охранке трудно было установить слежку. Часто использовались помещения, где устраивались выставки картин. Уславливались встретиться у какой-нибудь картины, привлекавшей к себе особенно много зрителей, и незаметно, в толпе, передавали текст.

Выполнив заказ, заведующий подпольной типографией относил напечатанные листовки в одну или две квартиры-склады, где он тут же нагружался бумагой, краской, шрифтом. Всё он, как правило, переносил на себе: наполнял карманы, обматывал бумагу вокруг тела. В руках у транспортеров ничего не было.

В этих трудных условиях работники типографий, переносчики и все другие товарищи, связанные с печатанием и распространением литературы, действовали очень четко и быстро.

Лидия Христофоровна Гоби, заведовавшая в 1902 году техникой Петербургского комитета РСДРП, рассказывает в своих воспоминаниях:

«Мы выпустили к 1 Мая десятки тысяч первомайских листовок и распространили их 30 апреля к концу работы, примерно около четырех часов дня, на всех крупных и менее крупных фабриках и заводах столицы. Это произвело большой эффект на петербургскую полицию, которая пришла в бешенство оттого, что какая-то неведомая ей тайная рука может так четко и ловко работать».

Больших трудов стоило добывание шрифта. Иногда нам удавалось доставать его в легальных типографиях. Одно время нашим «поставщиком» шрифта была частная типография «Слово», находившаяся на улице Жуковского. В этой типографии работали братья Войтенко, оказывавшие нам большую помощь.

Старший из братьев — Василий Андреевич Войтенко — приехал в Петербург из Черниговской губернии. У него обнаружился хороший голос, и я занимался с ним музыкой и пением.

Нуждаясь в средствах, Войтенко работал по вечерам в конторе типографии «Слово», а своего младшего братишку Колю устроил в этой же типографии мальчиком-учеником. Черноглазый шустрый мальчуган быстро завоевал общие симпатии. Ему разрешали свободно ходить в типографию по парадной лестнице, а не через специальный вход для рабочих, где каждого обыскивали.

Василий Войтенко часто выполнял обязанности переносчика нелегальной литературы. С помощью своего братишки Коли он прятал литературу в типографском складе для бумаги. Кроме того, Коля таскал для нас из типографии шрифт. Во время обеденного перерыва мальчик входил в комнату корректоров, которые его очень любили, оттуда проникал в наборную, подходил к реалу и брал связанные полосы использованного шрифта.

Однажды с Колей призошел такой случай. Засунув шрифт во внутренний карман своего старенького, рваного пальтишка, он выбежал на улицу и направился по указанному ему адресу. Не успел мальчик дойти до Невского, как карман прорвался, шрифт выпал и рассыпался по панели. Коля перепугался, бросился в первые попавшиеся ворота и пустился наутек. К счастью, двор оказался проходным. Ни жив ни мертв, Коля вышел на Невский. Немного успокоившись, он стал думать, что же делать дальше, как выполнить поручение. Вернулся и обошел злополучное место, попытался подойти к нему с другой стороны, но тут услышал свистки городских, увидел взбурдаченных дворников. Мальчик всё-таки вернулся в типографию, ухитрился незаметно взять набор двух уже отпечатанных объявлений и благополучно доставил шрифт в условленное место. Помню, как Коля уморительно рассказывал о происшедшем: «Аж с переляку у меня волосы дыбом встали и глаза на лоб повылезали».

Листовки с прокламациями печатались не только в типографиях, но и на гектографах, мимеографах, ротаторах, пишущих машинках — одним словом, всеми возможными способами.

Здесь также было немало трудностей. Мы не могли, например, покупать гектографическую массу, чтобы не навлечь на себя подозрение. Этот состав мы варили сами. Но необходимый для ее изготовления глицерин продавался в аптеках маленькими дозами, которые нас никак не устраивали. Приходилось вовлекать в заготовку глицерина ряд товарищей, чтобы собрать его в необходимом количестве. Точно так же приходилось обходить целый ряд магазинов, чтобы собрать нужное количество бумаги.

Огромную, поистине неоценимую услугу оказывали нам люди, предоставлявшие свои квар-

тиры для подпольных явок, собраний. Находили иногда здесь временный приют и товарищи, скрывавшиеся от царской полиции. Стр.17

Владельцы этих квартир были людьми внешне вполне благонамеренными, подозрений у полиции не вызывали. Но они сочувствовали нашему делу и стремились помогать нам, рискуя собственным благополучием. Часто мы устраивали подпольные явки в квартирах врачей или адвокатов, где многочисленные посетители не обращали на себя внимания городских. Сюда наши товарищи приходили под видом больных или клиентов, нуждавшихся в совете адвоката.

Несколько явочных квартир было в здании Академии художеств. Так, например, много лет подряд, начиная с 1902 года, служила нам квартира Эрнеста Францевича Зиварта.

С Эрнестом Францевичем я познакомился, занимаясь в Академии художеств. Был он человеком прогрессивных взглядов, сочувствовал социал-демократии.

Зиварт работал в печатной мастерской Академии художеств, где заведовал граверной студией. Занимал он казенную квартиру, помещавшуюся над печатной мастерской. Чтобы попасть в мастерскую и в квартиру Зиварта, нужно было миновать ворота, затем со двора войти в дверь, откуда расходились в разные стороны длинные, запутанные, слабо освещенные коридоры. К квартире Зиварта можно было направиться по любому из этих коридоров. Та часть коридора, где находилась дверь этой квартиры, была совсем темной; по коридорам постоянно сновали вперед и назад студенты Академии.

Всё это делало квартиру Зиварта очень удобной для конспиративной работы. Наши товарищи были предупреждены о всех деталях ее расположения. Заметив в коридоре подозрительного человека, они спокойно проходили мимо и, никуда не заходя, удалялись в противоположную сторону, а затем выходили на улицу. Словом, здесь была большая возможность сбивать с толку шпииков.

Эрнесту Францевичу можно было полностью доверять. В его квартире проводились заседания Петербургского комитета РСДРП, устраивались наиболее важные явки, хранилась нелегальная литература. Здесь мы печатали листовки на мимеографе и гектографе, а в 1905 году хранили оружие и приготовляли взрывчатую смесь для бомб. Эрнест Францевич снабжал нас печатями, которые он искусно вырезал из пальмового дерева. Эти печати были нам необходимы для паспортов, которыми нужно было снабжать товарищей, находившихся на нелегальном положении.

Охотно предоставляла нам для явки свою небольшую квартирку на Васильевском острове старая учительница Яковицкая. Она была честным и надежным человеком, в чем мы имели много возможностей убедиться. На подпольщиков, особенно женщин, старушка смотрела вначале с недоумением и каким-то сожалением. Она говорила, что не понимает, зачем мы, молодые, губим себя, лишаем себя радостей жизни, советовала бросить такое опасное дело. Однако затем и хозяйка квартиры втянулась в нашу работу, стала выполнять некоторые поручения. Здесь была одна из лучших наших явок.

По заданию Елены Дмитриевны Стасовой я подыскивал надежные адреса для писем, прибывающих из-за границы, а также из других городов России. Адреса всех этих квартир в моей записной книжке были зашифрованы. Когда в 1907 году меня арестовали и я попал в тюрьму, у следователя оказалась моя записная книжка. Но только через три месяца полиции удалось расшифровать написанное, да и то не совсем точно. За это время я успел предупредить товарищей, и обыски, проведенные у них, не дали полиции никаких результатов.

Нам, техникам, имевшим дело с типографиями, складами, подпольными явками, приходилось вырабатывать свою систему шифрования. Мы в этом настолько усовершенствовались, что писали шифры со скоростью обычного письма. При этом применяли двойной шифр: переименовывали слова по известной аналогии и шифровали уже переименованные слова.

Один из членов нашей технической группы—А. М. Игнатьев, придя домой, обнаружил у себя зашифрованную записку: «Был тот, кто лает у ворот». Игнатьев вспомнил поговорку: «Енот, что лает у ворот». Среди известных ему товарищей людей с фамилией «Енотов» или похожей на нее не было. А вот Бобров был. И Игнатьев сразу догадался, что автор записки имел в виду Боброва, так как есть енотовые и бобровые воротники.

Однажды—это было в 1905 году—я должен был сообщить А. Я. Гуревич, заведовавшей в то время партийным архивом, что начиненные ручные бомбы удалось благополучно перенести

из опасного места, куда могла нагрянуть полиция.

Не застав Анну Яковлевну дома, я оставил записку: «Свадебные мешки с конфетами переданы друзьям, и они очень довольны». В тот же вечер у А. Я. Гуревич был обыск. Записка попала в охранное отделение, но «как не имеющая значения» через два месяца была возвращена с прочими вещами, взятыми при обыске.

Хранить дома адреса квартир, используемых для нелегальной работы, строго запрещалось.

Помню, я заказал знакомому столяру, человеку, которому доверял, специальную полочку. Она очень хитро раздвигалась, и я прятал в ней бумажки с зашифрованным текстом. Полочку эту я хранил в комнате знакомой старушки, которая ко мне очень хорошо относилась. Старушка, конечно, и не подозревала о назначении полочки. Но она помнила мои слова, что эта полочка дорога мне по воспоминаниям, и заботливо ее оберегала. Полочку я в свое время сдал в Музей Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде.

Вообще же мы старались меньше записывать и больше запоминать, доходя в этом отношении до виртуозности.

Вспоминая те далекие дни, с глубокой признательностью и уважением думаешь о бескорыстных, самоотверженных людях, которые, не страшась опасности, помогали партии, вносили свой вклад в ее великое дело.

В Боевой технической группе

Вскоре после январских событий 1905 года по решению Петербургского комитета РСДРП была создана Боевая техническая группа. Возглавлял эту группу секретарь Петербургского комитета Сергей Иванович Гусев. В состав группы входили Феодосия Ильинична Драбкина («Наташа»), Софья Марковна Познер («Татьяна Николаевна»), автор этих строк («Герман Федорович») и другие товарищи.

Группа устанавливала связь с рабочими, создавала боевые отряды в районах и на предприятиях, добывала и распределяла оружие.

Как известно. Третий съезд РСДРП, состоявшийся в апреле—мае 1905 года, принял специальное решение «О вооруженном восстании». В этом решении съезд партии предложил всем партийным организациям «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников».

После Третьего съезда РСДРП Боевая техническая группа перешла в непосредственное ведение Центрального Комитета партии. Во главе группы был поставлен, по предложению В. И. Ленина, член ЦК Леонид Борисович Красин («Никитич»). При Петербургском комитете после этого был создан боевой комитет, который подчинялся Боевой технической группе.

Какие же задачи возлагал ЦК на Боевую техническую группу? Эти задачи вытекали из простых и ясных слов Владимира Ильича:

«Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента». (Полн. собр. соч., т. 9, стр. 203.)

Рабочему классу, поднимавшемуся на решительную борьбу, нужно было дать оружие. Это была новая, трудная задача, вставшая перед партией, перед Петербургской организацией.

Владимир Ильич Ленин живо интересовался деятельностью Боевой технической группы. Мы работали, руководствуясь его указаниями.

Летом 1905 года Владимир Ильич потребовал, чтобы кто-нибудь из Боевой технической группы приехал к нему в Женеву для решения некоторых практических вопросов, связанных с приобретением оружия за границей. Выбор пал на меня, и я, быстро собравшись, отправился к Ленину.

Я ехал в Женеву, взволнованный предстоящим свиданием, думая о том, как примет меня Ильич. Почему-то казалось, что попасть к нему будет очень трудно. Ведь я совершенно не знал, в каких условиях жили и работали наши товарищи в эмиграции.

Вопреки моим ожиданиям, я быстро и без труда попал к Владимиру Ильичу. Он жил в маленьком, типично швейцарском домике на одной из окраин Женевы. Звонка на двери не было. Я постучал. Дверь открыла приветливая, скромная женщина, одетая в обычный костюм петербургской курсистки. Это была Надежда Константиновна Крупская. Я ее сразу узнал, так как встречался с ней в Петербурге, в Смоленской школе для взрослых, где иногда

участвовал в культурно-просветительных вечерах для рабочих.

Я представился, назвал свою партийную кличку — «Герман Федорович».

— Владимир Ильич давно вас ждет и очень беспокоится, что вы так задержались с приездом, — сказала Надежда Константиновна. — Пройдемте к нему, он работает на веранде.

Вместе с Надеждой Константиновной мы вышли на веранду, пристроенную к домику. Стены ее, так же как и потолок, были увиты виноградом. Сквозь листья пробивались солнечные лучи, ярко освещавшие работавшего за столом Ильича. Перед ним лежали кипы газет, книги на русском и иностранных языках. Владимир Ильич был в простом пиджачке. И вся обстановка поразила меня простотой и скромностью: стол, несколько стульев; пол, как мне помнится, был земляной.

Ильич очень тепло встретил меня, забросал вопросами.

— Почему поздно приехали?—раздался его немного картавящий голос. — Рассказывайте, какие привезли новости. Слышал про вас. Работаете хорошо. Как это вам удалось организовать транспорт в таком большом масштабе?

Смотрите, не увлекайтесь! Провалить такое дело нельзя.

Всё это было сказано так по-товарищески, дружелюбно, что я сразу почувствовал себя очень спокойно и стал рассказывать.

Особенно подбадривал меня веселый смех, которым Владимир Ильич встречал мои рассказы о том, как нам удавалось надуть таможенных чиновников, пограничную стражу, шпииков и полицию. Никто не мог смеяться так заразительно, как Ильич. Вся мою застенчивость как рукой сняло.

Я говорил, а Владимир Ильич с живым интересом слушал меня и только изредка прерывал, обращаясь к Надежде Константиновне:

— Надя! Ты только послушай, что он рассказывает.

Владимир Ильич подробно расспрашивал меня о том, что делается в Питере, на Украине, в Сибири, на Урале, на Кавказе. Но вряд ли я сообщил ему что-либо новое. Находясь вдали от России, он знал обо всем гораздо больше, чем я, и мне оставалось только удивляться его осведомленности.

Затем Ильич очень сердечно и заботливо стал расспрашивать меня, где я устроился, как питаюсь. Я был растроган простотой Ленина, его теплым, товарищеским отношением ко мне, рядовому работнику партии.

Я уехал в Россию, горя стремлением выполнить указания, данные мне Ильичом, сделать всё возможное и, как он говорил, даже невозможное, для того чтобы помочь рабочему классу вооружиться.

При воспоминании о своей встрече с Владимиром Ильичом в Женеве мне невольно приходят на память слова Г. М. Кржижановского. Рассказывая о своем первом свидании с Лениным, Глеб Максимилианович писал: «Расставаясь с ним, я начал уличать себя в чувстве какой-то полноты жизни именно в его присутствии, в дружеской беседе с этим человеком. Уходил он — и как-то сразу меркли краски, а мысли летели ему вдогонку».

Второй раз мне довелось встретиться с В. И. Лениным спустя несколько месяцев, в Петербурге.

Как известно, в начале ноября 1905 года Владимир Ильич приехал из Женевы в Россию. Мне было поручено принять меры для обеспечения безопасности Владимира Ильича во время его переезда. И тут мне опять оказали помощь наши финские друзья. По моему поручению навстречу В. И. Ленину в Стокгольм выехал студент Гельсингфорсского университета Ула Кастрен, сопровождавший Владимира Ильича до Гельсингфорса. Ула Кастрен и сам точно не знал, кого он сопровождает. Мы сказали ему, что он должен встретить и сопровождать одного из видных участников русского революционного движения.

8 ноября 1905 года я встречал Владимира Ильича на Финляндском вокзале в Петербурге. С вокзала мы направились на извозчике на Можайскую улицу, где жила моя сестра Вера Евгеньевна Иванова.

Сестра моя, жена офицера лейб-гвардии, была очень далека от политики и тем более от революционного движения. Но с детства она питала ко мне большую привязанность и всегда готова была оказать мне любую помощь. Нередко она прятала и нелегальную литературу. Ее муж, гвардейский капитан, убежденный монархист, не имел, конечно, об этом ни малейшего представления. Неоднократно я мог убедиться в том, что сестра заслуживает полного

доверия. В то же время ее квартира была очень удобна, так как не вызывала у полиции Стр.20
никаких подозрений.

Зная, что сегодня придет Владимир Ильич, я предупредил сестру, что зайду к ней с одним человеком, с которым должен иметь деловую беседу.

В квартире сестры Владимир Ильич пробыл несколько часов. Сюда к нему пришли Леонид Борисович Красин и другие товарищи. Потом Ильич уехал на квартиру члена ЦК РСДРП П. П. Румянцева, где прожил более двух недель.

К величайшему для меня сожалению, мне очень редко приходилось встречаться с Владимиром Ильичом, и встречи эти были весьма кратковременными. На всю жизнь я сохранил память о его необычайной скромности, приветливости, о его душевном отношении к товарищам.

Размах работы Боевой технической группы, особенно после Третьего съезда партии, необычайно расширился. Боевики обязаны были заботиться о приобретении оружия не только для Петербурга, но и для других промышленных центров. В Питер приезжали товарищи с Кавказа, Урала, из Латвии, Эстонии, с разных

концов страны. Всё в больших размерах поступали требования на оружие. Удовлетворить их в мало-мальски достаточной степени не было никакой возможности. Тогда-то и возникла мысль о применении такого действенного средства вооруженной борьбы, как ручная бомба.

Ручные бомбы предназначались для уличных баррикадных боев, для взрыва кабелей и железнодорожных путей в моменты боевых выступлений. Нечего и говорить, что применение бомб с целью индивидуального террора совершенно исключалось, так как партия отвергала индивидуальный террор как средство борьбы. Владимир Ильич писал в сентябре 1905 года на страницах газеты «Пролетарий»:

«К счастью, прошли те времена, когда за неимением революционного народа революцию „делали“ революционные одиночки-террористы. Бомба перестала быть оружием одиночки-„бомбиста“. Она становится *необходимой принадлежностью народного вооружения*». (Полн. собр. соч., т. 11, стр. 269.)

Владимир Ильич, говоря о ручных бомбах, подчеркивал, что *их* изготовление, в отличие от других видов оружия, «возможно везде и повсюду».

Для того чтобы уничтожить кустарничество в сложном и опасном деле изготовления бомб, «Никитич» потребовал выделить в нашей боевой организации особую группу, которая была названа химической. К работе этой группы были привлечены специалисты-химики: профессор, которому дали кличку «Эллипс», и два химика с кличками «Альфа» и «Омега» (Скосаревский—«Омега», Л. Пескова—«Альфа»).

Они работали над изготовлением бомб в лабораториях морского ведомства, где служили, но, кроме того, пользовались и теми помещениями, которые нам удавалось для них найти. Эти помещения, конечно, были самым строжайшим образом законспирированы. «Никитич» требовал полной изоляции членов химической группы от всякой общественной деятельности.

Химики получили от «Никитича» конкретные задания: 1) найти подходящее сильнодействующее и в то же время безопасное при хранении взрывчатое вещество, 2) создать совершенно безопасный запал, 3) дать тип негромоздкого, но сильнодействующего снаряда, годного для уличного боя.

С оболочками для бомб дело обстояло сравнительно благополучно. Я очень хорошо помню, как вначале мы присматривались ко всем предметам, которые могли бы служить для этой цели. Коробки от сардин, от монпансье, от всяких консервов, отрезки газовых труб и т. д. привлекали наше внимание. По проекту «Никитича» на одном из литейных заводов была изготовлена большая партия новых чугунных цельных оболочек, которые доставлялись для дальнейшей обработки в небольшую кустарную мастерскую «по производству детских игрушек», созданную в Новой Деревне в Коломягах, на Озерковской линии. В мастерской изготавливались оловянные солдатики, игрушечные пожарные машины, паровозики и т. д. Главное же назначение этой мастерской состояло в обработке оболочек для бомб. В оболочку врезали пробку, в которой делали отверстие для фитиля, соединенного с капсюлем гремучей ртути, или приделывали к оболочке особый ударный механизм. Дело было поставлено так, что никакого подозрения у полиции мастерская долго не вызывала.

Забирал «детские игрушки» наш извозчик, рабочий-латыш по кличке «Владимир». Стр.21
Он зорко наблюдал, чтобы никто его не проследил.

Когда возникло подозрение, что за мастерской ведется наблюдение, ее временно ликвидировали. Л. Б. Красин. Нужно было создать новую мастерскую. Токарь Обуховского завода А. И. Булыгин, старый партиец, состоявший еще в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», открыл в полуподвальном помещении на Петербургской стороне, на Разночинной улице, мастерскую по починке самоваров и другой домашней утвари. Здесь был установлен токарный станок и налажено производство оболочек для бомб и ударных механизмов.

Труднее было организовать в большом количестве производство необходимого для ручных бомб взрывчатого вещества.

Чтобы решить эту задачу, нужно было использовать опыт не только питерской, но и других боевых организаций. В частности, серьезных успехов достигли киевские товарищи. Там группа боевиков во главе с Сергеем Сулимовым организовала летом 1905 года мастерскую по производству взрывчатых веществ и ручных снарядов — бомб. Первое испытание, проведенное в окрестностях Киева, прошло успешно.

Один из киевских боевиков—Сулимов— осенью на явке Южного бюро ЦК РСДРП встретился с членом ЦК Дубровинским («Иннокентием»). «Иннокентий» предложил Сулимову и его товарищам ехать в Питер, чтобы организовать там производство снарядов. С помощью «Иннокентия» я по поручению боевой группы связался с товарищами, приехавшими из Киева. Мы решили открыть на Малой Охте, в одном из переулков, сплошь заселенном кустарями-ремесленниками — столярами, мебельщиками, гробовщиками, сапожниками, — мастерскую «по производству фотографических аппаратов». На деле в этой мастерской изготавливали не фотографические аппараты, а динамит, пироксилин, гремучую ртуть.

Товарищи, приехавшие из Киева, были смелыми людьми, готовыми идти на какой угодно риск. Только с одним моим требованием они долго не могли примириться: им категорически запрещалось посещать партийные собрания, митинги. Нетрудно было понять этих товарищей. Они приехали в Питер накануне всеобщей октябрьской стачки, в разгар революции. Город бурлил, всюду проходили митинги, собрания, забастовки, звучало пламенное революционное слово. А они должны были отойти от всего этого, замкнуться в своей мастерской.

Вообще должен сказать, что товарищи, работавшие в химических лабораториях, тяжелее всего переживали свою полную изоляцию от политической жизни. Люди, в большинстве своем молодые, полные революционной энергии, должны были в целях конспирации на неопределенное время как бы уходить из жизни, сознательно от нее отказываться. В особенности это было трудно, когда события нарастали и высоко поднималась революционная волна.

Вскоре мастерская «по производству фотографических аппаратов» заработала на полный ход, и у нас появился динамит собственного производства.

В конце 1905 года в нашу боевую группу вошел Александр Михайлович Игнатъев, впоследствии видный советский изобретатель. У Игнатьева на Карельском перешейке было свое имение Ахи-Ярви. В этом имении один из наших химиков—И. И. Березин («Илья») наладил выработку пикриновой кислоты. Вспоминаются некоторые подробности его работы. Из пикриновой кислоты вырабатывалось взрывчатое вещество — мелинит. Получавшийся при этом желтый осадок проникал всюду, буквально во все поры. У Березина целый год даже белки глаз были желтые.

Однажды товарищи, работавшие в этой лаборатории, ехали зимой из имения Ахи-Ярви на ближайшую железнодорожную станцию Райвола. Возвращаясь, они обратили внимание на желтые следы у дороги, ведущие на почтовую станцию Кивинеб, лежавшую на пути в Райволу. Зная, что где-то неподалеку находилась какая-то подпольная эсеровская лаборатория, наши химики сказали:

— Вот черти эсеры. Они, наверное, гонят пикриновую кислоту! Хороши конспираторы!

Каково же было смущение наших товарищей, когда оказалось, что следы ведут на Ахи-Ярви! Тогда стали после работы усиленно мыть подошвы, но всё равно следы оставались на снегу. Только выпадавший свежий снег спасал положение, — следы заметались.

Несмотря на все усилия, нам никак не удавалось полностью пресечь кустарничество в таком опасном деле, как производство бомб. На наши явки постоянно приезжали товарищи

со своими проектами или даже готовой продукцией.

Однажды из Риги в Петербург на одну из явочных квартир привезли корзиночку с тремя бомбами. Квартира находилась под подозрением, и ее нужно было немедленно очистить. Мне пришлось корзиночку с бомбами взять к себе домой.

Потом, чтобы решить вопрос, что же делать с этими бомбами, — к слову сказать, очень подозрительными, так как внутри у них то и дело что-то дребезжало, — я забрал одну из них и в енотовой отцовской шубе поехал на лихаче в военно-морскую техническую лабораторию, где работали «Альфа» и «Омега».

Лихач и шуба, как и следовало ожидать, произвели впечатление на дежуривших солдат. Меня с почетом проводили в приемную. Выбрав удобный момент, я извлек бомбу из кармана и показал нашим химикам. Их возмущение при виде такого кустарного, любительского изготовления «изделия» не поддается никакому описанию. Они приказали немедленно уничтожить эти бомбы и даже пригрозили, что будут требовать моей «отставки».

Легко сказать: немедленно уничтожить. Но как это сделать?

Будучи музыкантом, я часто выступал в концертах. В тот вечер мне предстояло аккомпанировать кому-то из крупных артистов. Ко мне домой должны были прийти трое товарищей и унести злосчастные бомбы. Но пришли только двое, и одна бомба осталась. Я не имел права держать ее у себя. И вот, одевшись к концерту — во фраке, в лакированных башмаках, в енотовой шубе, — я за полчаса до начала выступления выхожу с бомбой в кармане на Рузовскую улицу. Оглядываюсь вокруг. Куда же деть бомбу?

Мне пришла в голову мысль потопить ее в Обводном канале. Стоял сырой, ненастный день. Кто помнит берега Обводного канала в старое время, его скользкие глинистые откосы, тогда еще даже не укрепленные, тот поймет мое затруднительное положение. Стал спускаться и, конечно, на полах моей шубы мгновенно поехал вниз, держа в поднятой руке бомбу и до ужаса опасаясь толчка. Я был уже уверен, что всё кончено и в самом лучшем случае я упаду в воду, но мне удалось удержаться за какой-то предмет. Тогда я стал осторожно «топить» бомбу. Удалось подsunуть ее под какое-то бревно. На четвереньках, всё время соскальзывая вниз, я с трудом выбрался на тротуар и, подойдя к фонарю, с ужасом увидел, на что я похож. Пришлось зайти к одному из знакомых, чтобы привести себя в порядок. Свой плачевный вид объяснил неудачным падением. На концерт я, конечно, основательно опоздал.

Как и следовало ожидать, наши химики «Альфа» и «Омега» доложили «Никитичу» о том, как я, нарушив все правила конспирации, привез им среди бела дня самодельную бомбу, которая при малейшей неосторожности могла взорваться. Разговор с Л. Б. Красиным ничего хорошего мне не предвещал. Я знал, как строг и непримирим «Никитич» к малейшим нарушениям требований конспирации. «Ну, всё пропало, он просто меня выгонит», — думал я. Однако мои опасения не оправдались.

Когда я подтвердил, что факт, сообщенный химиками, действительно имел место, Леонид Борисович отчитал меня так, что я совершенно растерялся и, что называется, света божьего не увидел. А после этого он попросил меня всё-таки рассказать, как было дело.

Уже во время рассказа я почувствовал, что завоевал Леонида Борисовича, что он «мой». Глаза его заблестели, он заразительно смеялся, слушая мой рассказ о том, как наши педантичные «химики» принимали из моих рук дребезжавшую бомбу. Еще больше смеялся Красин, слушая, как я, одетый по последней моде, во фраке, в барской шубе, чуть не скатился в Обводный канал. Мне всё простилось, и мы расстались с «Никитичем» друзьями.

Бомбы не раз ставили меня, как и других участников нашей Боевой технической группы, в затруднительное положение.

Однажды надо было доставить бомбу в помещение курсов Лесгафта и сделать это не позднее четырех часов утра. Я узнал об этом только вечером, и не было никакой возможности найти надежного товарища, чтобы выполнить поручение. Скрепя сердце пришлось взяться за него самому. Благополучно получив бомбу в назначенном месте, я свез ее по адресу. Был уже час ночи.

К большому огорчению, бомба не была как следует подготовлена. Нужен был другой шнур, раза в три длиннее. Времени до четырех часов оставалось мало, и надо было спешить. Договорились, что, если всё будет благополучно, товарищи откроют форточку в нижнем этаже и при условном стуке примут от меня пакет. Я решил немедленно поехать к «Омге» на квартиру. Насколько я знал, он один только и мог выручить из беды. К счастью, у Мариинского

театра я встретил шикарного лихача, правда, на чересчур заметной белой лошади. Однако Стр.23 долго рассуждать не приходилось. Я изобразил из себя доктора, вызванного к тяжело больному пациенту. Под тем же предлогом я почти в два часа ночи миновал дежурившего дворника. Мне долго не открывали, но я слышал движение в квартире и понял, что «Омега» готовится встретить «ночных гостей», то есть полицию. Наконец дверь приотворилась, и меня осветил через щелку электрический фонарь. Увидев, что я один, «Омега» впустил меня. За двадцать минут всё было сделано, оставалось только свезти бомбу обратно. Не доезжая до курсов Лесгафта, я отпустил извозчика, но, когда подходил к дому, заметил, что у ворот вместо дворника ходит городской. Однако, как мы условились, форточка в нижнем этаже была открыта, следовательно, внутри всё обстояло благополучно. Улучив момент, когда городской вошел в ворота, я стремительно подошел к окну и сунул в форточку мою драгоценную ношу. Товарищи ждали меня и моментально приняли пакет. При последовавшем вскоре обыске агенты охраны нашли эту бомбу и были крайне удивлены длиной ее зажигательного шнура.

На каждом шагу встречались всякие неожиданности. Всё время приходилось быть начеку, соблюдать самую строгую конспирацию.

Бывали случаи, когда полиция обнаруживала некоторые конспиративные мастерские по производству оружия. Товарищи, работавшие в таких мастерских или на оружейных складах, несли всю тяжесть провала на своих плечах, и многие из них поплатились за это своей жизнью, погибли в тюрьмах, на каторге.

Провалы отдельных мастерских и складов, как правило, на общем деле не отражались. Товарищи держались стойко, на допросах ничего не рассказывали. Да они и не знали имен и адресов тех, кто принимал от них изготовленные бомбы, патроны и материалы. Не знали они, кто и откуда доставлял им сырье. При малейшей угрозе со стороны полиции мастерская обычно переводилась в другое место. Но раз навсегда установленные принципы работы, железное требование конспирации соблюдались самым строжайшим образом.

При этом надо подчеркнуть, что Боевая техническая группа, каждодневно ощущая руководство партии, ее Центрального Комитета, работала в тесном контакте с общепартийной организацией. Крепли наши связи с активом боевых рабочих дружин, создававшихся в дни первой русской революции, в районах и на предприятиях Петербурга.

Жизнь выдвигала новые задачи. Вставала, в частности, задача подготовки инструкторов для боевых дружин. Они должны были обучать рабочих тактике уличного боя, баррикадной борьбы, правильному, большевистскому пониманию задач вооруженного восстания и подготовки для него военно-технических средств. Наша группа помогала организовать боевую учебу дружинников. Члены группы не замыкались в рамки одной чисто технической работы. Передавая партийным организациям, боевым дружинам оружие, они заботились о том, чтобы это оружие было правильно использовано, разъясняли дружинникам, особенно молодежи, линию партии в вопросе о вооруженном восстании, вред эсеровской тактики индивидуального террора.

Наши подпольные мастерские не могли удовлетворить всё возрастающий спрос вновь организуемых боевых рабочих дружин на оружие. Партия по указанию В. И. Ленина принимала меры для закупки оружия за границей. С этой целью приходилось выезжать за границу и мне.

В 1905 году царская полиция была крайне обеспокоена тем, что в Петербурге появились ручные бомбы болгарского образца, так называемые «македонки». Реакционная газета «Новое время» писала тогда, что она не понимает, откуда могли эти бомбы попасть в Петербург. А попали они в Питер так.

В Македонии участники национально-освободительной борьбы против турецких поработителей применяли ручные бомбы особого типа. Узнав об этом, Петербургский комитет РСДРП направил в Македонию одного из наших химиков—Скосаревского («Омегу»). Предварительно Скосаревский заехал в Женеву, где получил нужные адреса. Из Македонии «Омега» привез образцы и чертежи бомб. Красин внес в конструкцию бомб некоторые усовершенствования, и производство «македонок» стало быстро налаживаться в наших конспиративных мастерских и лабораториях.

Однако мы испытывали большой недостаток в хороших запалах, и Красин направил меня в Болгарию по свежим следам «Омеги» к инженеру Тюфекчиеву, тесно связанному с нацио-

нально-освободительным движением в Македонии. Тюфекчиев занимал в Софии видное положение, держался совершенно открыто, и я без особого труда нашел его. Вместо пароля «Омега» дал мне хитро вырезанную часть визитной карточки. Вторая часть этой визитной карточки была у Тюфекчиева. Сливив обе части, он убедился, по чьему поручению я приехал. Стр.24

Тюфекчиев сердечно принял меня, проводил к себе в кабинет и начал при мне открывать и выдвигать ящики своего большого письменного стола. Я глазам своим не верил: все ящики были набиты до отказа всякого рода оружием — обоймами, патронами, огнестрельными припасами. Тюфекчиев обещал мне полное содействие в закупке запалов и бикфордова шнура во Франции. Спустя несколько дней я выехал в Париж, где снова встретился с уже прибывшим туда Тюфекчиевым.

Остановился Тюфекчиев в одном из самых роскошных парижских отелей «Савой». Встретил он меня в своем номере как старого знакомого, принес чемодан и стал вытаскивать коробки, наполненные капсюлями с гремучей ртутью, большие мотки бикфордова шнура.

— Хотите посмотреть, как он замечательно быстро горит?—предложил Тюфекчиев и, не дав мне опомниться, отвязал кусок шнура, подошел к камину, поджег шнур с одного конца. В несколько секунд комната наполнилась дымом с сильным запахом пороха. В это время раздался стук в дверь. Я подумал: «Ну, пропало дело!»—и стал осматриваться, куда бы скрыться. Но Тюфекчиев не растерялся.

— Войдите! — сказал он. Вошел лакей и прямо остолбенел. Тюфекчиев рассмеялся, отпустил какую-то шутку, заметил, что неудачно показал мне фейерверк, который он купил для своих детей, и тут же приказал лакею открыть окно и принести прохладительный напиток.

Когда лакей вышел, Тюфекчиев спросил меня:

— А вы как будто струхнули?

Мне удалось обо всем с ним договориться и обеспечить на ближайшее время получение капсюлей с гремучей ртутью и бикфордова шнура. Но одно дело было получить оружие, а другое — доставить его из Парижа через все границы в Россию.

Через Тюфекчиева мы закупили бикфордов шнур и несколько тысяч запалов гремучей ртути. Запалы представляли собой тонкие медные патроны, в которых треть была заполнена гремучей ртутью, а две трети оставлялись для вкладывания бикфордова шнура. Наши товарищи возили запалы на себе в особых самодельных лифчиках-патронташах, куда входили три ряда запалов по пятьдесят штук. Еще труднее было с бикфордовым шнуром. Резать его было нельзя, так как могла возникнуть необходимость в длинном куске шнура. Поэтому наши транспортеры наматывали бикфордов шнур на ноги. Нечего и говорить, что всё это было сопряжено с большой опасностью. Человек превращался в хорошо снаряженную бомбу. Ехать было очень трудно, всю дорогу от Парижа до Гельсингфорса надо было бодрствовать, сидеть в вагоне, не прикасаясь к спинке скамьи, во избежание толчков, которые могли привести к взрыву.

Помню, как однажды в Гельсингфорс, в гостиницу, где я жил, явился один из наших товарищей, приехавший из Парижа. Когда он вошел ко мне в номер, на нем, что называется, лица не было. Он еще кое-как держался, пока снимал пояс с капсюлями, но когда стал разматывать шнур, обмотанный вокруг всего тела, ему сделалось дурно. На спине и на груди у него были кровоподтеки. Ведь больше двух суток он ехал, не раздеваясь, не ложась, боясь заснуть, так как от толчка мог получиться взрыв.

Несколько раз за бикфордовым шнуром и запалами ездила в Париж Федосья Ильинична Драбкина («Наташа») — один из членов нашей Боевой технической группы.

За три-четыре месяца оружие, закупленное через Тюфекчиева в Париже, было перевезено без единого провала.

Рассказывая о транспортировке литературы, а потом оружия из-за границы в Россию, не могу не вспомнить добрым словом рабочих-дружинников Сестрорецкого завода, братьев Николая и Василия Емельяновых, Тимофея Поваляева, Александра Матвеева, Дмитрия Васильева и других сестрорецких рабочих, которые были нашими неоценимыми помощниками.

Летом 1905 года сестрорецкие рабочие-большевики И. Емельянов и И. Анисимов вместе со своими товарищами переправляли оружие и динамит в Россию через границу морем. Под видом рыбаков они шли на лодках, груженных оружием, десятки верст, мимо пограничных

катеров. Не раз наши отважные транспортеры попадали в очень трудное положение, Стр.25 им угрожали военно-полевой суд, каторга, а то и смертная казнь, но они проявляли исключительное мужество при выполнении своего революционного долга.

Очень важно было иметь на трассе, через которую шло оружие, надежные перевалочные базы и склады. Такими тайными базами и складами служили для нас квартиры многих сестрорецких оружейников, живших в самом Сестрорецке, а также в Разливе, Тарховке и на других станциях Финляндской железной дороги.

На всю жизнь сохранились у меня самые лучшие воспоминания о бесстрашных сестрорецких рабочих — наших надежных транспортерах.

Организуя переправку оружия из-за границы в Россию, зимой 1905–1906 года я много времени проводил в Гельсингфорсе. Почти всё оружие, которое мы приобретали за границей, шло в Россию через Стокгольм тем же путем, каким поступала несколько ранее нелегальная литература. И в транспортировке оружия оказывали нам большую помощь наши финские друзья.

Чтобы представить себе условия нашей работы в Гельсингфорсе в дни первой русской революции, надо знать обстановку, сложившуюся в Финляндии к тому времени.

В XIX столетии Финляндия пользовалась известными «свободами», гарантированными законами. Собирался финляндский сейм. Финский язык был признан наравне со шведским государственным языком. В результате денежной реформы, проведенной в шестидесятые годы, Финляндия получила собственную валюту. В средней и высшей школе проводилось обучение на родном языке. Создавались финляндские национальные войска.

В конце прошлого века царизм повел наступление на права Финляндии, начал осуществлять открытую русификаторскую политику, направленную на то, чтобы окончательно превратить Финляндию в бесправную окраину Российской империи. Манифест, изданный Николаем II в феврале 1899 года, уничтожал все «свободы», которые царизм ранее обещал хранить «в нерушимой и непреложной их силе и действии». Этот манифест устанавливал, что российские власти могут без согласия финляндского сейма издавать обязательные для Финляндии законы. Упразднялись самостоятельные финляндские воинские формирования. Царский сатрап генерал-губернатор Бобриков, получивший в 1903 году чрезвычайные полномочия, осуществлял политику террористической диктатуры. В Финляндии закрывались газеты, начались обыски, аресты, высылки за границу, даже ссылки в Сибирь.

В этих условиях финская буржуазная интеллигенция, студенчество, не говоря уже о рабочих, возлагали надежды на русскую революцию, всячески шли навстречу русским революционерам и помогали им всем, чем могли.

Мы, конечно, старались использовать эти настроения, чем и объясняется то, что у нас были связи в самых разнообразных кругах финского общества, с людьми самого различного социального положения. Большая заслуга в установлении этих связей принадлежит уже упоминавшемуся мною ранее Владимиру Мартыновичу Смирнову.

Еще в январе 1903 года Смирнов переехал из Петербурга на постоянное жительство в Финляндию. Он получил должность лектора русского языка в Гельсингфорсском университете, а позже — помощника библиотекаря русского отделения в университетской библиотеке.

Квартира Смирнова в Гельсингфорсе была одной из главных наших явок. К нему частенько приносили пакеты с закупленными мною браунингами. У Смирнова останавливались приезжавшие из-за границы транспортеры, обвитые бикфордовым шнуром. Мы условились с ним о терминологии для переписки, в том числе телеграфной, на случай очередного транспорта оружия. Динамит мы называли, например, «дядей», бомбу «тетей» и т. д. Что же касается литературы, то мы уже раньше окрестили ее «сестрой».

Использовали мы в качестве явки и университетскую библиотеку, в которой работал Смирнов. Помощник директора этой библиотеки профессор Игельстром был человеком прогрессивных взглядов, сочувствовал нам и во всем нам шел навстречу. Библиотека очень пригодилась и как адрес для писем, и как место для встреч.

Это было удобное место, так как полиции и шпикам трудно было организовать слежку за всей публикой, приходившей в читальный зал.

Смирнов еще ранее познакомил меня с журналистом Артуром Неовиусом, высланным из

Финляндии и поселившимся в Стокгольме. Неовиус оказывал нам исключительно цен- Стр.26
ные услуги. Недаром мы дали ему кличку «Находка». Достаточно сказать, что через Неовиуса шла переписка Петербургского комитета партии с Владимиром Ильичом и Надеждой Константиновной. В письме в Женеву, написанном в феврале 1905 года, Е. Д. Стасова дала Надежде Константиновне адрес Неовиуса и просила высылать на этот адрес газету «Вперед». Эта газета вкладывалась внутрь какой-нибудь легальной иностранной газеты, пересылавшейся бандеролью.

Немало помогал нам и один из видных деятелей Финляндской партии «пассивного сопротивления» доктор А. Тернгрэн. Помещик, доцент Гельсингфорсского университета, А. Тернгрэн был буржуазным деятелем. В то же время, как финский патриот, он считал возможным поддерживать русское революционное движение, направленное против ненавистного Финляндии царизма.

Во время одного из приездов Л. Б. Красина в Гельсингфорс я организовал его встречу с А. Тернгреном. Это свидание дало хорошие результаты. Красин завоевал симпатию Тернгрена, который помог нам наладить транспорт оружия, организовать в шхерах испытание бомб, изготовлявшихся в Гельсингфорсе нашими химиками.

Почти все наши товарищи, приезжавшие из России, не знали ни финского, ни шведского языков. И тут нам большую помощь оказывали «проводники». Кто только не выполнял их роль — студенты, артисты, дамы, барышни, железнодорожные служащие.

Надо было снабжать приезжавших товарищей паспортами. Мы доставали паспорта самыми различными способами: получали из больниц документы умерших, нигде не зарегистрированных людей, добывали паспортные бланки в полицейских участках и сами заполняли их. Давали нам свои паспорта и внешне благонамеренные люди, стремившиеся помочь русским революционерам.

Многие наши товарищи, нелегально приезжавшие в Гельсингфорс, знали дом на Генриховской улице с огромной зеленой бутылкой, укрепленной на кронштейне. Это была реклама помещавшегося здесь магазина Вальтера Шеберга. Нам помогал не только сам Шеберг, но и барышни, служившие в его магазине. Они гостеприимно встречали русских революционеров и направляли их по адресам.

Однажды в магазин Шеберга явился преследуемый шпиками Юлий Грожан («Дмитрий Сергеевич»). По поручению Боевой технической группы Грожан организовал в Гельсингфорсе в 1905 году изготовление взрывчатых веществ.

Не успели Шеберг и Грожан переброситься и двумя словами, как у входа в магазин показались полицейские. Грожан едва успел спрятаться за занавеску. Шеберг, стоя посреди магазина, мог одновременно видеть и его, и полицейских. Воспользовавшись удобным моментом, он одной рукой показал Грожану на бороду и усы, а другой — на заднюю дверь магазина. Рядом была парикмахерская. Грожан быстро сообразил, выскользнул в заднюю дверь и вошел в парикмахерскую. Там он сбрил усы и бороду и спокойно вышел на улицу. Осмотрев магазин и убедившись, что в нем никого нет, полицейские ушли. След Грожана они потеряли.

Большое впечатление произвело на различные круги населения финской столицы Свеаборгское восстание солдат и матросов, подавленное царскими войсками. Участники восстания были окружены симпатиями финнов. Многие участники восстания, которым удалось скрыться из крепости Свеаборг, нашли себе приют в квартирах жителей Гельсингфорса.

Десятки матросов прятал после Свеаборгского восстания в своей квартире и Вальтер Шеберг. Он их кормил, поил, доставал им штатское платье и, снабдив надежными паспортами, отправлял за границу. Многие из матросов, несмотря на грозившую им опасность, стремились в Россию. Шеберг с большим трудом доставал им «чистые паспорта». Иногда у него в квартире собиралось до двенадцати—четырнадцати человек сразу. Они спали на диванах, креслах, на полу.

Постепенно горячее время прошло, уехали беспокойные пансионеры, в их числе были матросы Никита Кошук и Приходько. Оба были сознательными революционерами и своим живым умом, горячим темпераментом импонировали Шебергу. Ехать они хотели только в Россию. Несмотря на все трудности, Шеберг достал им паспорта, и они уехали на родину.

Через некоторое время в газетах появилась заметка о том, что на гауптвахте офицер застрелил матроса по фамилии Кошук.

Шеберг взволновался. Он надеялся, что Никита Кощук уже в Киеве или Харькове, — Стр.27 и вдруг такое сообщение!

Тело матроса перевезли в покойницкую больницы на Фабианской улице. Финские активисты и организация Российской социал-демократической рабочей партии в Гельсингфорсе готовили торжественные похороны и демонстрацию протеста против возмутительного самоуправства царских ставленников.

Весь день Шеберг был сам не свой. Мысль о том, что это может быть его русский друг, не давала ему покоя. Наконец он не выдержал и вечером направился к покойницкой. Вокруг ходил часовой с ружьем. Выждав удобный момент, Шеберг проскользнул в дверь, оказавшуюся незапертой. При помощи зажженной спички нетрудно было отыскать тело Кощука по дощечкам с фамилиями, прикрепленными к изголовью покойников. Шеберг отдернул простыню, но разглядеть лицо оказалось невозможно: оно, как и грудь, было залито запекшейся кровью. Не найдя воды, он, зажигая спичку за спичкой, стал слюной смывать кровь, раньше всего с груди, так как вспомнил, что у Кощука во всю грудь был вытатуирован корабль.

Убедившись, что никакой татуировки на груди покойника нет и что, значит, это не Никита, Шеберг так обрадовался, что, выскочив из покойницкой, чуть не сшиб с ног растерявшегося часового.

На следующий день состоялись похороны и манифестация с красными флагами и венками. Шеберг был в толпе.

Финские и русские товарищи несли множество венков, и, когда процессия проходила мимо Абосских казарм, у окон стояли солдаты, выражавшие сочувствие погибшему товарищу.

Всю дорогу пели «Вы жертвою пали в борьбе роковой».

Единственный свидетель обвинения, совершенно незнакомый мне человек, отказался от ранее данных им показаний.

— Это не тот, — сказал он обо мне. — Тот был маленький, чернявенький, а этого я никогда не видел.

Меня оправдали.

Так закончилось мое годичное пребывание в тюрьме.

Люди большевистского подполья

Эдвард Карлсон

Эдвард Карлсон, семнадцатилетний рабочий-слесарь, был в 1905 году административно выслан из Кронштадта в Олонецкую губернию за хранение нелегальной литературы. Кронштадтская полиция, ограничившись арестом одного Эдварда, который взял на себя всё найденное в квартире, не увидела за деревьями леса. Отец Эдварда Ян Карлович был активным революционером. Да и вся их квартира была своего рода революционным штабом.

Жили Карлсоны в домике, находившемся на окраине Кронштадта. Задним своим двором с закрытыми воротами домик выходил на пустынный переулок.

По этому переулку и доставляли наши товарищи Карлсонам нелегальную литературу, которая затем распространялась по военным судам и заводам.

Люди, приносившие литературу, входили в домик Карлсонов через задние ворота, разгружались, а затем «чистенькими» удалялись через парадный ход.

Квартира Карлсонов служила не только транспортной базой, но и явкой солдат и матросов, связанных с большевиками, а иногда и местом собраний.

Пользовался этой квартирой, в частности, и Д. 3. Мануильский, бывали здесь и другие товарищи, работавшие в нашей военной партийной организации.

Выслав Эдварда, полиция успокоилась, но домик Карлсонов продолжал нести свою службу.

Покочевав по разным тюрьмам, Эдвард попал наконец на место своей ссылки. Это была деревня Порось-Озеро Олонецкой губернии, находившаяся в двадцати верстах от финляндской границы. В деревне этой Эдвард, однако, долго не засиделся. Несколько ссыльных, в их числе и Эдвард, сговорившись, бежали через леса и болота и со всякими приключениями добрались до Гельсингфорса. Остановились они в маленькой гостинице на Вуори-кату. Разговорившись с хозяевами гостиницы, узнали, что в Гельсингфорсе организован комитет помощи русским политическим беженцам. Товарищи связались с этим комитетом, и им было

оказано содействие.

Эдвард попал к Вальтеру Шебергу, который предоставил ему приют в своей квартире. Кроме того, Шеберг достал ему паспорт на чужое имя и устроил в механическую мастерскую слесарем. В квартире Шеберга я и познакомился с Эдвардом.

Трудолюбивый, как муравей, Эдвард всегда был занят какой-нибудь работой. Он был не только слесарем, но и прекрасным столяром, токарем, не отказывался ни от какого дела: с одинаковой любовью делал он простой стул, табурет и тонкую художественную шкатулочку с вырезанным на ней рисунком — произведение настоящего мастера-художника. Когда у Шеберга бывали гости, Эдвард недолго оставался с ними, незаметно исчезал в свой уголок, где что-нибудь мастерил, или в ванную комнату, где проявлял фотографии.

Казалось, что такая разносторонняя художественно-ремесленная работа и есть его призвание, что ничем другим он не интересуется. Но познакомившись с ним ближе, я увидел, какой это был человек, какие мысли его тревожили, чем он внутренне жил. Эдвард очень много читал, серьезно занимался самообразованием и вел революционную работу, сознательно придя к мысли, что только один путь может раскрепостить человека — путь революционной борьбы. Он очень томился своим вынужденным бездействием, старался помогать нам в работе и рвался обратно в Россию, чтобы вновь отдаться революционной деятельности.

Однако сразу ему это не удалось. Тогда Эдвард при помощи того же Шеберга поступил кочегаром на финский пароход «Сага», совершавший рейсы между Финляндией и Африкой. Служба эта, продолжавшаяся полтора года, была крайне тяжелой. В тропиках нередко выносили кочегаров на палубу и окатывали водой, чтобы привести их в чувство.

Чрезвычайно характерным для Эдварда было его отношение к работе. Уж на что тяжелы были обязанности кочегара, и всё же потом, прощаясь с пароходом, он мне писал:

«Чертовски скверно было, только о том и мечтал, как бы вырваться, но, когда пришлось уходить, жалко было расстаться. Перед тем как уйти, я спустился вниз в машинное отделение, чтобы еще разок посмотреть и всё запомнить. Ведь каждый винтик, каждая часть машины были так знакомы, так долго пришлось около них побыть, что они превращались как бы в одушевленные предметы. Даже лопата была не просто лопатой, а чем-то иным».

Встретившись с Эдвардом в Гельсингфорсе, я увидел его альбомы с рисунками. Они говорили о несомненной талантливости этого человека. Я убедил его поехать в Россию и попытаться там устроиться.

Пользуясь тем, что сам учился в Академии художеств и имел большие связи в петербургском художественном мире, я надеялся ввести Эдварда в Петербурге в круг художников, устроить учеником в школу поощрения художеств и таким образом легализовать его.

Конечно, с моей стороны всё это было несколько легкомысленно, но я рассчитывал, что дело Эдварда несерьезно, может быть, уже и забыто и вряд ли его имя фигурирует в каких-нибудь политических делах. Притом выслан он был из Кронштадта, а не из Петербурга. Рассчитывал я и на то, что в случае, если полиция его вспомнит, за него заступятся влиятельные художники, которые, несомненно, оценят его талант, и дело так или иначе устроится.

Эдвард с радостью принял этот немного дерзкий план. Ведь по существу мы рассчитывали только на разгильдяйство местных кронштадтских властей и храбро решили испытать судьбу.

Дело было в декабре 1908 года.

Благополучно проехав границу в Белоострове на одном из дачных поездов, на которых паспортов не спрашивали, мы приехали в квартиру на Рузовской, где я жил с матерью. Эдвард очень понравился моим родным, и на домашнем совете мы решили поступить следующим образом.

Моя сестра жила на Можайской улице, на которую выходил двор нашего дома. Чтобы не огибать квартала, члены нашей семьи пользовались калиткой, ключи от которой были только у нас и у дворника, так что никто посторонний не мог ею пользоваться. Эдварда мы поселили у сестры, а его паспорт прописали у нас на квартире.

Я отправился в Общество поощрения художеств, показал рисунки Эдварда; их по достоинству оценили, и я договорился, чтобы его приняли в качестве ученика. Всё шло гладко. В течение нескольких дней не было никаких тревожных признаков. Эдвард осмелел и решил съездить в Кронштадт, чтобы повидаться с родными. Для этого нужен был паспорт, и мы

после прописки получили паспорт Эдварда. Однако он еще не уехал, да мы и сомневались, стоит ли искушать судьбу поездкой в Кронштадт. Стр.29

Однажды вечером я пригласил Эдварда, жившего в квартире сестры, переночевать у нас. Ему постелили у меня в комнате на диване. Не помню, что задержало Эдварда, почему он не пришел. Часа в два ночи в кухне раздался настойчивый звонок. На вопрос кухарки: «Кто звонит?» — последовало: «Телеграмма». Затем послышался голос дворника, просившего впустить его в квартиру. Я не успел удержать нашу кухарку Феню. Она открыла дверь, и в кухню ворвалось несколько городских с зажженными фонариками и короткими ломачами в руках.

Когда Феня опустила руку в карман за носовым платком, один из городских крикнул:

— Не шевеляйся!

— Да мне высморкаться надо.

— Пушай текуть!

Этот эпизод очень меня развеселил, но мысль о лишней постели в моей комнате вызвала тревогу. Кроме того, в квартире в нескольких местах была спрятана нелегальная литература. Я направился было в свою комнату, но за мной сразу поспешили городские. Пришлось остановиться.

Из кухни вся ватага устремила в спальню моей матери. Не дав ей одеться, городские в шинелях, в барашковых шапках, во всей амуниции полезли под кровать. Накинув халат и немного придя в себя; мать сама перешла в наступление:

— Да что вы в самом деле думаете? Что я под постелью любовника прячу?—воскликнула она, обращаясь к городским.

Но городские, не обращая на нее внимания, открыли старинный шкаф с бельем, с выдвижными полками, между которыми расстояние было не больше трех-четырех вершков, и тщательно его исследовали.

— Что же вы тут-то копаетесь, что вы ищете?

— Человека, — был ответ.

А из кухни раздался смех Фени. Она, что называется, надрылась от хохота. Городские вытащили из-под кровати корзину с бельем, аршина полтора длины, и тоже искали... человека.

— Да что он, человек-то, складной, что ли, у вас?—вопила Феня.

У меня в комнате дело было посерьезней. Покосившись на приготовленную вторую кровать, помощник пристава сел за письменный стол и заявил:

— Ну-с, дайте ваши показания.

Я только было приготовился их дать, как вдруг посмотрел на правую сторону стола и под пресс-папье увидел несколько брошюр, которые приготовил с вечера, чтобы спрятать. К счастью, я не растерялся.

— Вам места мало, позвольте, я немного освобожу.

Взяв бювар, я прикрыл им всю зловещую пачку, сверху положив тяжелое пресс-папье.

Вопросы были обычные. Интересовались Эдвардом Карлсоном. Оказывается, кронштадтская полиция его не забыла. Какое я дал объяснение — не помню, но, во всяком случае, сказал, что Карлсон приезжал временно, уехал и паспорт просит выслать в Финляндию, что, мол, адрес свой напишет. Конечно, всё это было шито белыми нитками.

Провозившись часа три-четыре, вся компания удалась.

Возник вопрос: как предупредить Эдварда?

Я пробовал выйти через парадную лестницу, но убедился, что у подъезда стоит городской и бродят сыщики. Ворота были еще закрыты, но через небольшую дверку, выходящую на двор с парадной лестницы, я незаметно вышел и, пройдя двором, через калитку попал на Можайскую улицу. У сестры в доме пришлось будить дворника, знавшего меня, и по черной лестнице пробираться в квартиру к сестре. Подняв всех на ноги, стали снаряжать Эдварда. Надели на него юбку, зимнюю ротонду моей сестры, обернули ему голову пуховым платком... Получилась какая-то совершенно нелепая женская фигура.

Утро только начиналось, было темно, так что мы благополучно выбрались из дому, сели на извозчика и поехали к моему другу Николаю Войтенко, служившему в то время в типографии «Слово» и очень талантливо добывавшему там шрифт для наших подпольных типографий.

У Войтенко Эдварда вновь преобразили в мужчину и отправили его, как помнится, на

станцию Удельную, вторую после Петербурга по направлению к Гельсингфорсу. Там Стр.30
Войтенко посадил его на дачный поезд. Таким образом Эдвард переехал границу и, сев на
гельсингфорсский поезд, удивил Вальтера Шеберга неожиданным приездом.

Так смелый план и не удалось осуществить. К счастью, он не привел ни к каким дурным
последствиям. Правда, наша квартира долго после обыска оставалась под наблюдением.
Собиравшиеся к нам по воскресеньям гвардейские офицеры, товарищи брата, говорили в
шутку матери:

— У вас, Софья Игнатьевна, как у министра, — городские на часах стоят!

А городские действительно были сбиты с толку и, увидев какого-нибудь полковника или
генерала, бросались открывать входную дверь или подсаживали «его превосходительство» в
сани.

Сняты были посты только после угрозы матери пожаловаться градоначальнику. Но для
меня вышло хуже: был установлен негласный надзор.

Вскоре Эдварду пришлось оставить и Гельсингфорс. Наши друзья финны известили нас,
что в охранке получена фотография Эдварда с описанием его примет и обещано крупное
денежное вознаграждение за его поимку. Мы достали ему паспорт на имя Карла Коппеля, и
он вновь поступил кочегаром на крупный пароход «Астреа», курсировавший между Финлян-
дией и Англией.

Мне пришлось временно уехать из Петербурга, оставив на дежурстве у нашего дома горо-
довых, карауливших, когда придет к нам ночевать Эдвард Карлсон. В Финляндии же тем
временем сновали сыщики с горячим желанием получить обещанное вознаграждение. Тай-
ком вытаскивая из-за пазухи фотографию, они сравнивали ее с теми, за кем охотились. А
кочегар Карл Коппель, приехав в Або или Гельсингфорс, окончив свою работу, помывшись
и приняв городской вид, спокойно спускался на берег, проходил в город между таможенны-
ми чиновниками и жандармами и даже изредка позволял себе роскошь видаться со своими
друзьями.

Приблизительно через год Эдвард отправился в Америку, где порядочно поскитался, пока
не устроился в Нью-Йорке на фабрику печатных машин фирмы Гоу. Одновременно он стал
посещать курсы рисования в Академии художеств и курсы декоративных искусств при нью-
йоркской профессиональной ремесленной школе. И те и другие курсы он блестяще окон-
чил, получив на курсах Академии художеств серебряную медаль, а на курсах декоративных
искусств — золотой значок.

Но служению искусству Эдвард не отдался. Он вошел в эстонскую федерацию коммунистической партии в Нью-Йорке, где вел партийную работу вплоть до отъезда в СССР.

Побег

В начале 1906 года бежал из Санкт-Петербургского охранного отделения арестованный
молодой рабочий Путиловского завода, привезенный из тюрьмы на допрос.

Звали его Николай Николаевич Глебов (партийная кличка — «Степан Голубь»). Ему было
около двадцати лет. При обыске у Глебова нашли браунинг и случайно оказавшуюся прокла-
мацию боевой группы эсеров. Это давало охранке повод к тяжелому обвинению, грозившему
Глебову если не повешением, то каторгой.

Привезенный на допрос «Степан Голубь» был помещен в одной из соседних со следовате-
лем комнат второго этажа. Полицейский, велел ему обождать, направился к начальнику
докладить о приводе арестованного. Выходя, он запер дверь на ключ, оставив его в замке.

«Степан Голубь» решил бежать. Решеток в окне не было. Окно комнаты выходило во двор.
Спрыгнуть во двор можно, но на дворе были извозчики, сыщики, полицейские, жандармы.
Взглянув на дверь, он заметил, что верх ее стеклянный и кусок стекла, как раз у замка,
заменен картоном. В одно мгновение он был у двери, нажал на картон, рука свободно про-
шла в отверстие. Не задумываясь, он повернул ключ, открыл дверь и очутился в коридоре.
Дорогу он запомнил. Заперев дверь двумя оборотами ключа, он смело отправился в канцеля-
рию. Глебов ясно понимал, что неожиданно появившись в ней, он обратит на себя внима-
ние, но решил действовать напролом. Войдя в комнату и приняв развязный вид, он стал
громко насвистывать веселый мотив и, воспользовавшись недоумением корпевших над сво-
ими бумагами чиновников, спокойно прошел мимо них на лестницу. Быстро с нее спустив-
шись, хотел выйти в парадную дверь, но швейцар его остановил:

— Барин, а вы калоши забыли!

Эти калоши чуть не погубили Глебова. Понимая, что ни одной секунды терять нельзя, он махнул рукой, стремглав вылетел на улицу и «стреканул», по его выражению; по Мойке, услышав за собой: «Держи его! Держи!»

На крик швейцара выбежало много народу, навстречу из-за угла тоже бежали какие-то люди. Двое сыщиков вскочили на извозчика и поскакали вслед. Заметив последних и сообразив, что от конной погони ему не спастись, «Степан Голубь» перебежал пешеходный мостик через Мойку и скрылся в узком переулке.

Он вспоминал потом, как навстречу ему попались дети, шедшие из школы. Раскрасневшиеся от мороза веселые личики, непрерывное щебетание ребят пробудили в нем такую энергию, такую жажду жизни, что он удвоил свои силы и с мыслью: «Жить! Во что бы то ни стало жить!»—буквально полетел дальше, не чувствуя под собой земли.

За поворотом стоял единственный извозчик-лихач. У «Степана Голубя» ни копейки не было: в тюрьме всё было отобрано. Но, дав адрес извозчику, он пообещал уплатить вдвое больше, чем тот запросил, лишь бы ехал быстро. Лихач натянул вожжи, лошадь понеслась. Погони сзади не было: она потеряла след.

Как громом поразил Николай знакомого либерального литератора, влетев к нему в гостиную и сообщив: «Бежал!». Хозяин всё же быстро пришел в себя. Нежданного гостя здесь моментально преобразили: надели ему очки, наклеили бородку и т. п. Совершенно изменив внешний вид Глебова, его отправили к одному известному профессору, который был близко знаком с очень популярной в то время артисткой, помогавшей революционерам, Лидией Борисовной Яворской. Она приняла горячее участие в «Степане Голубе». Его удалось переправить в Финляндию.

В это время в Гельсингфорсе находились Максим Горький и М. Ф. Андреева. В честь их устраивались концерты, вечера, спектакли. Горький был окружен самыми выдающимися людьми Финляндии и почти не расставался с художником Акселем Галленом, который в то время писал его портрет.

Но царское правительство не дремало. Темные личности всегда и везде сопровождали Горького и следили за каждым его шагом. Финские товарищи, конечно, знали это и, желая оградить Горького и его жену от неприятностей, установили охрану из молодых активистов — членов только что организовавшегося общества «Войма».

Среди этой молодежи выделялся талантливый скульптор Альпо Сайло — друг Галлена. Молодой, красивый, полный сил, он напоминал героев Калевалы. Ничего и никого не боявшийся, он готов был каждую минуту броситься навстречу опасности. Во время Свеаборгского восстания я был вместе с Горьким в Америке, но мне рассказывали, что Альпо Сайло, переодетый русским матросом, спасал под обстрелом бежавших из Свеаборга и вел себя как истинный герой. Я очень подружился с ним и могу смело сказать, что не было случая, чтобы Альпо мне в чем-либо отказал. Мы ему обязаны огромными, неоценимыми услугами.

Каким образом «Степан Голубь» был направлен ко мне в Гельсингфорс, я забыл. Помню лишь, что он пришел в мастерскую Галлена, где я каждый день бывал. Как и надо было ожидать, пылкий юноша, почти мальчик, с красивыми синими глазами, с веселой приветливой улыбкой, относящийся к своему рискованному положению как к занятному приключению, заинтересовал и Горького, и Галлена. Галлен предложил ему поселиться у него до того времени, когда можно будет переправить его куда-нибудь на запад.

Я жил в то время в гостинице «Фенния» под своим собственным именем и по неосторожности на вопрос «Степана Голубя», где я живу, показал ему гостиницу, не называя себя.

В тот вечер финские артисты пригласили Горького на спектакль, и мы условились встретиться в театре. Будучи спокоен, что беглец находится в надежном месте, я отправился по делам. И тут узнал, что из Петербурга сообщено в охранное отделение о побеге заключенного, указаны его приметы и высказано предположение, что он бежал в Финляндию.

Положение осложнялось. Надо было принять решительные меры и прежде всего убрать «Степана Голубя» подальше от Горького, за которым усиленно следили. Я бросился к Галлену, но никого не застал в мастерской. Одно оставалось: найти Галлена и Горького в театре. Войдя в театр во время антракта, я стал искать Горького.

Каково же было мое изумление, когда в директорской ложе, где должен был находиться Алексей Максимович, я увидел сидящего на виду у всех одного «Степана Голубя», который

спокойно рассматривал публику и с аппетитом ел конфеты. Публика, заинтересованная всеми, кто был около Горького, усиленно наводила на «Степана Голубя» бинокли, но это его не смущало, даже как будто нравилось. Подождав, когда погасят свет, я бросился в ложу, утащил «Степана Голубя» в глубину, сказал ему о телеграмме из Петербурга и хотел немедленно увезти его из театра, но не тут-то было: он запротестовал, ему хотелось досмотреть пьесу до конца. Горький и М. Ф. Андреева с семьей Галлена уехали с половины спектакля, куда именно — «Степан Голубь» не знал.

Условились, что наутро я приеду в мастерскую Галлена и привезу новый адрес. Взяв с него слово, что не позже двенадцати часов ночи он будет дома, я ушел к себе в гостиницу.

Встав рано утром, я спустился в ресторан и совершенно остолбенел: посередине зала, как это принято в Финляндии, стоял стол, накрытый всевозможными закусками. Вокруг него толпились русские военные, жандармы, а между ними снова «Степан Голубь», спокойно набирая себе на тарелку разные разности.

Забыв о всякой предосторожности, я отвел его к столику, и что же услышал!

Спектакль затянулся, и, когда «Степан Голубь» вернулся в мастерскую Галлена, наружная дверь оказалась запертой. Очутившись в безвыходном положении, он вспомнил, что я показывал ему гостиницу «Фенния», и, недолго думая, отправился туда. Справился у швейцара, установил, что никакого «Виктора» (псевдоним, под которым он меня знал) у них нет, пошел наверх и стал гулять по коридорам, не зная, что предпринять. Вдруг его осенила счастливая мысль. Он решил, что я обязательно должен утром завтракать в ресторане, следовательно, весь вопрос только в том, где переночевать. Недолго думая, он открыл дверь первого попавшегося номера и, увидев, что номер не занят, преспокойно заперся на ключ, очень осторожно, «чтобы не помять», снял покрывало и улегся, как у себя дома. Выспался он великолепно.

— Только не помылся, чтобы не запачкать умывальника. И вот видите—не ошибся: мы с вами встретились!

В это время у Галлена все были в страшной тревоге. Решили, что их ночлежник арестован, и прислали ко мне человека, чтобы меня предупредить.

Пришлось, конечно, принять самые энергичные меры, чтобы спрятать «Степана Голубя». Альпо Сайло взял его к себе, укрыл, применив к экспансивному молодому человеку режим, как к арестованному.

Только через несколько дней удалось достать нужный паспорт и спровадить подобру-поздорову беспокойного путиловца.

„Наташа»

(Федосья Ильинична Драбкина)

Среди наших товарищей, активных работников Боевой технической группы, была молодая женщина-мать с трехлетней девочкой. Мало кто знал ее настоящее имя. У нее была партийная кличка «Наташа», а девочку звали Лизкой.

«Наташа», очень молодая, очень хорошенькая, всегда веселая и приветливая, привлекала к себе общее внимание и расположение. Была она беззаветно смелым товарищем. Все знали, что, если возникало какое-нибудь серьезное, связанное с большой опасностью и риском поручение, «Наташа» готова его выполнить.

Появлялась она всегда везде и всюду со своей Лизкой. Маленькая стриженная головка, какие-то смешные вихры на ней, черные большие глаза и, главное, такая же, как у матери, улыбка, только еще более светлая и ясная, делали эту девочку всеобщей любимицей.

«Наташа» жила на скудные средства, одевалась очень скромно. Но часто, когда ей надо было куда-нибудь ехать по партийному заданию, ее наряжали в богатое платье, ей покупали модные шляпы. «Наташа» пленяла всех, попадавших на ее пути, особенно тех, кого надо было пленить.

Однажды она была направлена из Петербурга в Гельсингфорс с опасным поручением — получить там и привезти запалы для бомб. Запалы и шнуры привозились к нам в Гельсингфорс из Парижа, и мы очень осторожно относились к их пересылке, пользуясь только самыми верными средствами и адресами. Я посвятил в нашу тайну Вальтера Шеберга и попросил позволения приехать к нему на квартиру, чтобы там передать опасный пакет товарищу из Петербурга. К удивлению Вальтера Шеберга, этим товарищем оказалась шикарная молодая

Стр.33
дама, да еще с девочкой. Дама обратилась к нему с просьбой указать, где бы она могла переодеться. Он пригласил «Наташу» к себе в спальню, и за ширмами она стала надевать на себя особый корсет, состоящий из маленьких ячеек, в каждой из которых, как в сотах, помещалось по одному запалу. Этот корсет надо было сшить самим, и мы воспользовались простыней Вальтера Шеберга. Не обошлось без курьеза. Когда корсет был готов, мы увидели как раз впереди, на видном месте, большие буквы — метку с инициалами Вальтера Шеберга. Надо же было случиться такой беде! Ведь это прямая улика! Пришлось распарывать и шить снова.

Во время переодевания мы слышали странный звук. Я заглянул в комнату и увидел Лизку, которая сидела на полу и играла... выпавшим запалом, бросая его вверх и стараясь поймать. Помню, как во мне всё заглохло от ужаса.

Не успели мы прийти в себя, как в передней раздался звонок. Шеберг пошел открывать и быстро вернулся, страшно взволнованный:

— Полицейские! Я приглашу их в столовую... Запру дверь в переднюю... Отправь даму из квартиры... Знаешь Трофимова?.. Всё приведи в порядок... Сам выйди к нам...

Все эти отрывистые приказания, сказанные шепотом, воспринимались мною, как электрические токи. С каждой фразой моментально, в какие-то секунды, вырабатывался план, и, когда я вбежал к «Наташе», я уже знал, что делать.

Легко сказать — вывести полуодетую даму из квартиры, где-то скрыть ее, дать возможность докончить туалет, уничтожить все следы преступления, и всё это в какие-то минуты, не производя никакого шума!

Слова, брошенные Шебергом, напомнили мне, что во дворе дома жил русский рабочий-печатник Трофимов, сочувствующий нам. Я объяснил «Наташе», как к нему пройти, и она, накинув на себя что попало, захватив всё нужное, выскользнула в дверь. Убедившись, что всё в порядке, я вышел к полицейским и застал их в мирной беседе с Шебергом, угощавшим их сигарами. Меня он представил как близкого друга Горького, к которому финны чувствовали в то время большое уважение, развел, что называется, «турысы на колесах» и так «заговорил» жандармов, что обыск ограничился беглым обходом квартиры. Даже ни в один шкаф не заглянули. Оказалось, что они искали «подозрительную даму», о которой имелись сведения из охранного отделения. Была ли это «Наташа», нам так и не удалось выяснить, но, конечно, следовало немедленно отправить ее из Гельсингфорса.

Я обратился к одному финскому магистру, очень красивому молодому человеку, и, не объяснив ему сути дела, попросил оказать мне услугу — проводить одну интересную молодую даму, едушую со своей девочкой в Петербург. А кстати, передать ей роскошный букет красных роз. Ничего не подозревавший магистр охотно согласился.

Вечером я провожал их издали, спрятавшись в толпе. Никогда не забуду, как блестяще выглядела молодая пара, как очаровательна была группа, стоявшая в дверях вагона. Букет произвел на «Наташу» впечатление, она не ожидала такого подарка, глаза ее ярко блестели, когда она прощалась с молодым магистром. Но... «Наташа» одного не заметила: в соседнее купе вошел жандармский полковник. Почему он сел? Простое ли это совпадение?

Целую ночь не спали мы с Шебергом и весь следующий день мучались, не получая известий. Наконец пришла телеграмма, что всё благополучно.

При свидании «Наташа» рассказала, как усиленно ухаживал за ней жандармский полковник. Выходя из вагона, он бережно поддержал Лизку и помог ей выйти. Жандармский полковник и не подозревал, что оказывает услугу большевикам в перевозке оружия из Гельсингфорса в Петербург,

Я мог бы привести бесчисленное количество эпизодов из деятельности нашей бесстрашной, самоотверженной «Наташи».

Весной и летом 1905 года «Наташа» вместе с другой участницей нашей боевой группы — Софьей Марковной Познер — регулярно ходила на Финляндский вокзал. На товарной станции они получали пакеты с револьверами, которые по нашему поручению привозили в Петербург финские железнодорожники. Револьверы всегда аккуратно доставлялись на подпольные склады, откуда оружие направлялось боевым рабочим дружинам.

Однажды «Наташе» и еще одному товарищу было поручено перенести на склад партию оболочек для ручных бомб. Эти оболочки представляли собой тяжелые чугунные отливки.

«Наташа», как всегда в таких случаях, принарядилась и сразу приобрела вид богатой свет-

ской молодой дамы. Ее спутник также оделся с иголки, захватил с собой красивый ручной саквояж из коричневой кожи. Эта нарядная пара отправлялась за город, в одну из дачных местностей, кажется в Озерки, где и получила груз. Стр.34

Обратно к станции они шли, беззаботно беседуя, смеясь и широко размахивая чемоданом, словно он был пуст. На самом деле чемодан был довольно тяжел.

Доехав до станции Ланская, «Наташа» и ее спутник вышли из вагона, пересели на паровик и на нем проехали до Большого Сампсониевского проспекта (ныне проспект имени Карла Маркса). Здесь, в одном из аптекарских магазинов, помещался наш подпольный склад облобочек для ручных бомб.

В заключение своего короткого рассказа о «Наташе» я хотел бы сказать следующее. Федосья Ильинична Дабкина десятки лет отдала партийной и общественной деятельности. Ее муж Сергей Иванович Гусев, секретарь Петербургского комитета РСДРП в 1905 году, тоже долго и плодотворно работал в партии, был в советские годы известным партийным и военным деятелем.

Может быть, читателю интересно будет знать, где их дочь Лиза — та самая маленькая Лизка со смешными вихрами, которая часто сопровождала свою мать, выполнявшую в 1905 году опасные конспиративные задания...

Приезжая из Москвы в Ленинград, меня часто навещает Е. Дабкина, литератор, автор опубликованных в печати интересных воспоминаний о том, как создавался комсомол, как боролись комсомольцы на фронтах гражданской войны.

Е. Дабкина была в первые месяцы после Октября секретарем Я. М. Свердлова. Часто встречалась она на собраниях в Кремле с Владимиром Ильичом Лениным, выполняла отдельные его поручения. Владимир Ильич в шутку звал ее «Елизавет Воробей» — прозвище, которое ей дали, когда она еще была девочкой. Елизавета Дабкина очень интересно рассказывает, как она бывала со своими родителями С. И. Гусевым и Ф. И. Дабкиной у Владимира Ильича Ленина и Надежды Константиновны Крупской.

Слушая рассказы Е. Дабкиной, я вспоминаю еще более далекое время, трехлетнюю девочку Лизку, неприменную спутницу своей матери, нашей бесстрашной, очаровательной «Наташи».

„Харлам»

(Валентин Варламович Резцов)

«Харлам» еще гимназистом работал в подпольной типографии Петербургского комитета РСДРП. Типография была нехитрая: рамка, касса, каточек для краски. Печатали прокламации на тонкой оберточной бумаге. Добывали бумагу, пробираясь в подвал Академии художеств, где был склад. При огарке свечи, почти в темноте, разрезали бумагу по формату и уносили в подпольную типографию. Шрифт добывали в какой-то легальной типографии.

При первом подозрении пришлось эвакуироваться. «Харлам» перевез типографию к себе. Он немного рисовал, поэтому рамка, сложенная на манер ящика с красками, родных не удивила. Двоюродная сестра его Анастасия Николаевна Шкарина, курсистка, предложила свои услуги. Перебрались к ней, но таились от ее матери, которая подозрительно относилась к племяннику. Не раз приходилось переносить всё с места на место, претерпевая множество тревог. Зато приобретался конспиративный опыт, и, когда в 1905 году была организована военная группа, в то время называвшаяся «Военно-техническим бюро», «Харлам» вошел в нее уже как сознательный революционер-подпольщик.

В конце 1905 года, уже будучи студентом университета, «Харлам» у себя дома организовал склад оружия и взрывчатых веществ. Хранил он и «дядю», как мы называли динамит.

К тому времени «Харлам» перебрался в каморку к одному ремесленнику-маляру. Комнатка была малюсенькая, сырая, зато потолок и стены были расписаны хозяином не хуже любого дома в Помпее. Посредине комнаты стояла печка с протянутой к дымоходу железной трубой. Комнату нужно было регулярно топить, чтобы фрески не испортились.

Человеку в этой комнате было тепло и удобно, но «дяде» очень скверно. «Дядя» мокнул, раскисал и распространял такой едкий запах, что бедный «Харлам» постоянно ходил с головной болью. Кое-как протянув до лета, он перебрался в другую квартиру, хозяин которой уехал на дачу. Квартира была весьма надежной, в ней удалось быстро наладить приемный пункт всякого рода оружия, добытого главным образом на Сестрорецком заводе. Появились

здесь подпольщики Фаня Черная, Магда Сулимова, Нина, Ольга Канины и много других. Среди них был и Иван Иванович Березин («Илья»).

Однажды «Илья» причинил товарищам много хлопот. Он откуда-то переносил начиненные бомбы. Войдя в комнату, «Илья» стал «вытряхиваться» и рассказал, что его необъятный живот обратил на себя внимание, за ним увязались шпики. Пройдя несколько проходных дворов, он взял извозчика и как будто скрылся, но всё же сомневается, удалось ли ему окончательно замести след.

Уже приближался вечер, а бомбы девать было некуда. Оставалось вытащить запальники и ждать, а в случае обыска спустить бомбы в слепой пролет между стенами. Ночь провели тревожную, но утром товарищи, посмеявшись над собой, вновь принялись за работу.

«Харлам» и его товарищи очень искусно переносили винтовки. Они пропускали их под брюки вдоль ноги. Конечно, передвигаться с винтовкой было не так просто. Особенно неудобно было подниматься по лестнице или садиться на извозчика, если в этом возникала надобность.

Тесную связь поддерживал «Харлам» с одним из активных участников нашей подпольной работы — Сашей Волковысским, племянником барона Гинцбурга. Саша жил в особняке своего дяди, на одной из линий Васильевского острова, на верхнем этаже, в комнатах, очевидно раньше предназначавшихся для прислуги. Удобны были эти комнаты тем, что имели отдельный ход. Там-то наши товарищи и устроили экспедиционный пункт для рассылки подпольных листовок в почтовых письмах и бандеролях. Литературу заклеивали в конверты, опускали в почтовые ящики и отправляли по определенным адресам.

Тем, кто участвовал в деятельности Боевой технической группы, не рекомендовалось вести агитационную работу. Но «Харлам» нарушал эти правила. Он выступал на одном из военных заводов на Выборгской стороне во время кампании по выборам в Государственную думу. «Харлам» вел также агитацию на фабрике Чешера, руководил кружками.

Первого мая «Харлам» отправился на массовку, которая проводилась на Богословском кладбище на Выборгской стороне. Сюда нагрянули казаки, конные городовые. Они стали разгонять участников маевки. Часть рабочих разбежалась, но некоторые остались, среди них и «Харлам». Шагах в двадцати впереди «Харлам» увидел двух городских, стрелявших в безоружную толпу. Он прицелился, выстрелил и сшиб одного городского, затем бросился к болоту и побежал через кусты. Но городовые оцепили болото и стали его обстреливать. Окруженный городскими, «Харлам» выстрелил в себя и упал без сознания. Вызванный врач признал, что с минуты на минуту должна наступить смерть. Однако «Харлам» вскоре очнулся. Какая-то женщина дала ему напиток. Фельдшерице, которая его перевязывала, «Харлам» успел шепнуть адрес сестры, попросил предупредить ее, рассказать ей о том, что произошло. Фельдшерица выполнила просьбу «Харлама».

Полиция увезла его в тюремную больницу, где выяснилось, что пуля прошла на несколько миллиметров ниже сердца и застряла в диафрагме.

Несмотря на тяжелое состояние, «Харлам» трое суток не называл своей фамилии. Следователь, жандармский ротмистр, ни угрозами, ни уговорами не мог добиться от него подробных показаний. Положение «Харлама» было чрезвычайно серьезно, ему угрожала смерть. Следователь подослал к нему священника, намереваясь с его помощью что-либо выведать. Но хитрый батя ничего не добился. «Харлам» молчал.

Железное здоровье всё-таки победило. «Харлам» поднялся. Дело его было передано в военно-полевой суд. «Харламу» угрожала смертная казнь через повешенье. Но ему повезло. Судьи попались сравнительно либеральные. Председатель суда генерал-майор Кириллов сам только что пострадал: был арестован его сын (бежавший впоследствии за границу). Защищал «Харлама» известный адвокат Александр Сергеевич Зарудный. Он произнес блестящую речь, доказывал, что подсудимый, видя действия пьяных городских, открывших огонь по безоружной толпе, сам стрелял в состоянии аффекта с целью самообороны. Суд вынес решение о заключении «Харлама» в крепость.

Сохранилось письмо А. С. Зарудного, полученное «Харламом» в тюрьме. Вот несколько строк из этого письма:

«Я вас видел всего несколько мгновений вашей жизни, но это были такие мгновения, в течение которых человек узнается лучше, чем при других условиях в течение многих лет. В эти страшные для вас минуты (теперь я решаюсь называть вещи своими именами) вы про-

явили такое мужество, силу воли, ясность души и сердечность по отношению к окружающим вас людям, которые заставили меня восхищаться вами и полюбить вас от души. Стр.36

Я никогда вас не забуду и очень хотел бы, чтобы и вы сохранили меня в своей памяти».

«Харлам» просидел в крепости три с половиной года, оттуда был переведен в тюрьму «Кресты». Затем прошел через ряд тюрем — пересыльную, воронежскую — и наконец попал в город Бобров, где и отбывал приговор в одиночной камере.

„Ирина Петровна»
(Лидия Христофоровна Гоби)

Еще в 1902 году, когда я только начинал подпольную работу, мне пришлось встретить на одной из наших явочных квартир девушку, внешность которой не могла не обратить на себя внимания. Была эта девушка высокой, стройной, с черными, жгучими глазами, как-то особенно блестящими под густыми бровями. Когда я увидел ее, мне хотелось сказать: «Не конспиративно, товарищ, иметь такое лицо».

Впрочем, с другой стороны, эта внешность помогала ей. Одета изящно, с большим вкусом, но скромно, во всё черное, она имела вид светской барышни из высшего круга. Никто не мог заподозрить, что она всю себя отдает революционному движению, является фанатиком своего дела. Царские ищейки проходили мимо нее, не подозревая, что она может быть причастна к революционной работе.

Я рассказываю о Лидии Христофоровне Гоби (партийная кличка «Ирина Петровна»), дочери известного ботаника, профессора Петербургского университета Христофора Яковлевича Гоби. Она была одной из видных представительниц нашего подполья. Одно время Лидия Христофоровна ведала всей техникой при Петербургском комитете партии. Мы широко пользовались ее дачей в Пики-Руках, под Выборгом. Место это было очень удобное и безопасное. Здесь останавливался в один из своих приездов Владимир Ильич Ленин.

С Лидией Христофоровной бывала масса приключений, но как-то случалось, что она выходила сухой из воды. Казалось, нет выхода. Уже она себе говорила: «Ну, Ирина, наступил твой конец». Но вдруг, словно молния, осеняла ее удачная мысль, и она спасалась.

Однажды «Ирина» была послана в Киев с ответственным поручением Петербургского комитета партии. Приехав на вокзал, она благополучно сошла с поезда и, убедившись, что за ней никто не следит, сразу отправилась на конспиративную квартиру, чтобы выполнить данное ей поручение. Пароли оказались правильными, она застала нужных людей, передала им то, что требуется, получила от них, в свою очередь, поручения в Петербургский комитет. На улице Лидия Христофоровна заметила, что за домом следят. Делая вид, что вышла на прогулку, она отправилась в городской сад на Крещатике, но скоро обратила внимание на то, что к следовавшему за ней шпику присоединился еще один. Оба они зорко за ней следили, даже не стесняясь быть на виду. «Ирина» решила пойти на поезд, надеясь как-нибудь незаметно юркнуть в вагон, где она могла бы уничтожить всё, что ей передали товарищи по конспиративной квартире. Но подойдя к выходу из сада, она убедилась, что за ней следят уже трое. Попытаться пройти на вокзал в таком сопровождении — это всё равно что самой лезть в мышеловку. Надо было найти другой выход.

Обдумывая создавшееся положение, Лидия Христофоровна стала кружить по переулкам и вскоре очутилась у ворот домика, стоявшего на горе над Подолом — районом Киева, расположенным внизу на берегу Днепра. Вдруг она заметила одного из следовавших за ней по пятам впереди себя, а оглянувшись, увидела второго, который делал вид, что рассматривает вывеску на одном из домов. В переулке промелькнула третья фигура, и «Ирина» поняла, что окружена. Кольцо замкнуто. Уже казалось, что спастись невозможно. Но в это время какой-то мальчик вышел из ворот.

- Скажи, пожалуйста, мальчик, ты в этом доме живешь?
- Да, тетенька, здесь. А что?
- Нет ли здесь спуска на Подол?
- Летом есть дорожка, по ней козы ходят, да мы лазаем, а зимой нет.
- А ты можешь меня проводить на нее?
- Могу-то могу, да ведь теперь всё замерзши, по ней спуститься никак нельзя.
- «Будь что будет, попробую», — решила «Ирина».
- Ну, мальчик, ты всё-таки покажи мне дорожку.

Войдя в ворота, мальчик показал ей садик перед домом, который висел над обрывом, а сам ушел. Стр.37

Подойдя к самому краю обрыва и поглядев вниз, «Ирина» почувствовала, что у нее закружилась голова. Обрыв почти отвесно спускался уступами, кусты на нем обледенели. Люди внизу казались совсем маленькими. Но другого выхода не было.

Хуже всего было то, что на ней была надета модная в то время ротонда, то есть запахивающаяся шуба без рукавов, с большой меховой шалью. Для наших конспиративных дел ротонды были очень удобны: под ними можно было унести много нелегалыщины. Но в данном случае приходилось спускаться почти с отвесного обрыва, не имея возможности хоть как-нибудь помочь себе руками. Это было крайне рискованно. Тем не менее раздумывать не приходилось. «Ирина» села на край и, путаясь в шубе, стараясь зацепиться за что попало, стремглав кубарем полетела вниз.

Сознания она не потеряла, но, что называется, очухалась лишь тогда, когда через какие-то ворота влетела в чужой двор внизу на Подоле. Во дворе были люди. Они так и ахнули, увидев столь неожиданное зрелище. Вид у «Ирины» был самый плачевный, но когда она поднялась, люди решили, что перед ними «важная дама» и что с ней произошло несчастье.

А «Ирина», не дав им опомниться, сказала:

— Извините, пожалуйста, что я так неожиданно к вам попала. Я была наверху, поскользнулась и упала, сама не знаю, как очутилась здесь. Нельзя ли у вас привести себя в порядок?

Хозяева домика, добродушные киевляне, окружили «Ирину», предложили проводить ее в аптеку, чтобы перевязать, если она поранилась. Но она отказалась и попросила только разрешения зайти в домик, чтобы почиститься и принять приличный вид, так как очень торопится на поезд.

Никому в голову не пришло расспрашивать эту даму, почему, торопясь на поезд, она очутилась на краю обрыва и так неудачно поскользнулась.

Не прошло и часа, как «Ирина» сидела в поезде, невольно улыбаясь при мысли о трех соглядатаях, которые, наверно, терпеливо ожидают ее у ворот домика над обрывом. Приятно ей было сознавать, что она благополучно выполнила поручение.

„Бобис»

(Иван Генрихович Лютер)

В начале февраля 1906 года в Гельсингфорс приехала группа боевиков-латышей. Тогда я и встретился впервые с «Бобисом». Это была партийная кличка Ивана Генриховича Лютера — одного из основателей Латышской социал-демократической рабочей партии. В 1905 году Лютер был организатором и техником подпольных партийных типографий в Риге и Либаве, одним из выдающихся боевиков и руководителей боевых дружин в Латвии, организатором ряда крупных забастовок сельскохозяйственных рабочих в Нижней Курляндии. В январе 1906 года его арестовали и подвергли пыткам в рижском застенке. Но «Бобис» совершил с группой товарищей вооруженный побег и оказался в Финляндии.

После Октябрьской революции И. Г. Лютер был ответственным советским работником в Ленинграде.

Вместе с «Бобисом» приехал в феврале 1906 года в Гельсингфорс и Екаб Дубельштейн («Епис») — бесстрашный революционер-боевик, член Латышской социал-демократической рабочей партии, организатор и участник многих боевых операций партии в Риге, Либаве и других городах. Судьба Екаба Дубельштейна сложилась трагично. В августе 1907 года он был арестован, подвергнут жестоким пыткам и расстрелян по приговору царского военного суда.

Надо сказать еще об одном товарище, приехавшем в Финляндию в начале 1906 года, — о Я. Д. Ленцмане.

Я. Д. Ленцман («Кенцис») — член ЦК ЛСДРП (РСДРП), (В июне 1906 года на Втором съезде ЛСДРП было принято решение об объединении — о вхождении ее в РСДРП. Четвертый съезд РСДРП утвердил это решение, и тогда была образована СДЛК (Социал-демократия Латышского края), один из виднейших руководителей латышских большевиков, активный участник революции 1905 года, Октябрьской революции и гражданской войны, нарком Советской Латвии в 1919 году. Затем Ленцман был на ответственной партийной и советской работе в Москве и Ленинграде (умер в 1937 году).

Тогда, в начале 1906 года, и «Бобис», и «Епис», и «Кенцис» были совсем молодыми людьми.

ми, но они поражали своей выдержкой и дисциплинированностью. Почти все они Стр.38
прошли школу партизанской борьбы в отрядах боевых дружин и «лесных братьев».

«Лесные братья» — это боевые партизанские отряды, действовавшие во многих уездах Латвии в годы первой русской революции. Партизаны, скрываясь в лесах, вели вооруженную борьбу с царскими войсками, беспощадно разоряли гнезда черносотенных баронов, карали предателей и провокаторов, поддерживали революционный порядок. «Лесные братья» развивали свою деятельность под руководством местных партийных организаций, подчинялись указаниям ЦК СДЛК (РСДРП). Наряду с вооруженной борьбой они вели активную партийную работу, организовывали митинги и демонстрации на селе, создавали батрацкие партийные ячейки.

Создание отрядов «лесных братьев» приобрело массовый характер в связи с действиями карательных экспедиций, направленных в Прибалтику после поражения Декабрьского вооруженного восстания в Москве. В леса уходили рабочие, батраки, сельские интеллигенты, которым грозила расправа. «Лесные братья» сторицей отплачивали царским приспешникам за их жестокость и самоуправство. Это дало повод всей буржуазной печати того времени, а также меньшевикам всячески поносить «лесных братьев», обвиняя их в анархизме, бланкизме, а часто и в бандитизме. (Достойную отповедь этим клеветническим измышлениям дал В. И. Ленин, который в статье «Партизанская война» писал: «Латышская социал-демократическая рабочая партия (часть РСДРП) правильно выпускает в 30 000 экземплярах свою газету. В официальном отделе печатаются списки шпионов, уничтожение которых есть обязанность каждого честного человека. Содействующие полиции объявляются «противниками революции» и подлежат казни, отвечая кроме того своим имуществом. Деньги для партии с.-д. приказывают населению передавать лишь по предъявлении квитанции с печатью. В последнем отчете партии среди 48 000 руб. дохода за год значится 5600 руб. от Либавского отделения на оружие, добытые путем экспроприации. — «Новое Время» рвет и мечет, понятно, против этого «революционного законодательства», этого «грозного правительства».

Назвать анархизмом, бланкизмом, терроризмом эту деятельность латышских с.-д. никто не решится. Но почему? Потому, что здесь *ясна* связь новой формы борьбы с восстанием, которое было в декабре и которое назревает вновь» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 5).

В конце 1906 года, Когда изменилась политическая обстановка, потребовавшая других форм борьбы, партизанская война в Латвии по решению партийных организаций была прекращена и отряды «лесных братьев» распущены.

Немногословный, на первый взгляд даже несколько угрюмый, «Бобис» обладал большим даром убеждения и какой-то внутренней силой. Каждое слово, сказанное им, было обдуманно, весомо. О нем говорили как о человеке необычайного упорства и настойчивости.

Кто-то из товарищей, знавших его еще в детские годы, рассказывал о «Бобисе» такой эпизод. Когда ему было одиннадцать-двенадцать лет, он попросил у знакомого лесника разрешения выстрелить из ружья. Тот обещал, но только в том случае, если мальчик сумеет убить камнем ворону. Известно, что подкрасться незаметно к вороне — дело нелегкое. Почти всё лето маленький «Бобис» в свободное от работы время (он был подпаском у помещика) упражнялся и наконец добился своего. Право на выстрел было завоевано.

Как сейчас помню мое знакомство с «Бобисом». Передо мной стоял рослый, широкоплечий человек, зрелый революционер-подпольщик. За его спиной была большая организаторская, пропагандистская и боевая работа.

Побег «Бобиса» и его товарищей из рижского застенка представлял собой образец храбрости, находчивости и выдержки. Их арестовали 13 января в Риге, во время облавы в одной из столовых. На следующую ночь они уже были подвергнуты в тайной полиции диким пыткам, которые продолжались и в остальные дни. (В апреле 1907 года во II Государственной думе был сделан запрос, подписанный 35 депутатами, в котором приводилось описание пыток над арестованными 13 января 1906 года:

«...В ночь с 13 на 14 января 1906 года 18-летнего Лапса, от которого никак не могли добиться никакого признания, повалили на пол; один из помощников пристава вскочил ногами на грудь его и прыгал до тех пор, пока грудная клетка и ребра у Лапса не были проломлены. После этого Лапса вплоть до своего расстрела не мог ничего принимать, кроме воды. Стрздыня, поваленного на пол, били по икрам ног до тех пор, пока они не напухли и мясо не стало отваливаться от костей. На голой спине Карлсона (Лютера, который был арестован под фамилией Карлсон — Н. Б.) резиновыми палками искромсали им самим написанный и не понравившийся комиссии протокол дознания, тыкали пальцами и карандашами в глаза, били. Допрос каждого обвиняемого

продолжался до нескольких часов... Таким образом Лапса, Паэгле, Карлсона, Стрздыня, Грундмана избивали и пытали Грегус, Александровский, Сабецкий и Давус» (Государственная дума, второй созыв. Стенографические отчеты 1907 года, т. I. СПб., 1907, стр. 1889)).

Боевики, руководимые «Еписом», решили совершить нападение на сыскное отделение, где содержались арестованные, и освободить товарищей. Уже через два-три дня после ареста, при свидании, товарищам удалось в пакете с едой передать «Бобису» два маленьких браунинга. А на пятый день Екаб Дубельштейн и группа боевиков проникли под видом просителей в полицейское управление, охраняемое стражей из городских и солдат в количестве более 160 человек. После короткого объяснения с часовыми завязалась перестрелка, в которой приняли участие и арестованные (часть из них находилась в коридоре). В результате несколько человек из растерявшейся охраны было убито и ранено, а нападавшие вместе с шестью арестованными прорвались к выходу, на волю. Все это свершилось в течение нескольких минут. На улице их встретили товарищи и отвели в заранее подготовленные квартиры. Вскоре после побега части из них удалось перебраться в Финляндию.

В Финляндии товарищи латыши активно включились в боевую работу партии. По заданию ЦК они организовали экспроприацию русского Государственного банка в Гельсингфорсе. Всей операцией, в которой участвовало более двадцати боевиков, руководил «Бобис». Событие это наделало немало шума и взволновало весь город. Известия о вооруженном нападении на банк полетели в Петербург, за границу. Гельсингфорс, словно при осадном положении, был наводнен шпионами, полицейскими, жандармами. Однако во время нападения никто из боевиков арестован не был. (Лишь через несколько дней после нападения полиции удалось задержать четырех боевиков, которые затем были осуждены).

Часть экспроприированных денег (10 тысяч рублей золотом) в Петербург в партийную кассу доставила Е. Д. Стасова, которая в то время была в Гельсингфорсе, а кто-то из железнодорожников, как вспоминает она, переправил туда же коробку с серебром. Остальные деньги были переправлены за границу—в Германию и Швецию, где их использовали для закупки оружия.

За латышами началась слежка, и надо было найти для них надежное убежище. Нам это удалось с большим трудом. Но «Бобис» очень волновался за свой внешний вид и всё старался его изменить. Волосы у него были светло-рыжие, обращавшие на себя внимание своей яркостью. По общему решению, его надо было перекрасить. Взясась за это дело Елена Дмитриевна Стасова. Будучи человеком очень энергичным и экспансивным, она, не долго думая, облила ему голову какой-то жидкостью. Результатом было нечто неожиданное: волосы стали зеленого цвета! Бросились его мыть, но чем больше мыли, тем хуже становилось. Насколько помню, пришлось нам звать специалиста, который быстро поправил дело, «Бобис» стал жгу-чим брюнетом.

Прошло несколько дней после нападения на банк. Город по-прежнему кишел шпионами, обыски проводились повсюду, вагоны отъезжавших из Гельсингфорса поездов были наводнены сыщиками. «Бобису» удалось, однако, перебраться в Таммерфорс. Я в это время устраивал в Таммерфорсе концерт в пользу политических эмигрантов с участием молодых петербургских артистов Л. Я. Липковской и В. Л. Войтенко. Одним из главных номеров программы была знаменитая ария с колокольчиками из оперы Делиба «Лакме». Липковская ее пела особенно хорошо. Я ей аккомпанировал.

Перед самым выходом на эстраду ко мне подошел Вальтер Шеберг и сообщил, что в театре находится бежавший из Гельсингфорса товарищ, которого проследили сыщики и полиция.

Я совершенно растерялся, не знал, куда спрятать товарища. Это был «Бобис». Невольный свидетель моей встречи с «Бобисом», В. Л. Войтенко не раз говорил мне, как он был поражен тем, что этот товарищ главным образом торопился передать мне порученное ему дело, выполнить революционную свою задачу, ничуть не волнуясь о своей судьбе. Я же рассовывал по карманам переданные им бумаги, с отчаянием думая, куда мне деть «Бобиса», где спрятать его. Наконец меня осенила блестящая мысль: есть проход на сцену, в суфлерскую будку, и так как у нас не спектакль, а концерт, то там никого нет. Мы с Шебергом чем-то отвлекли внимание окружавшей нас публики, а «Бобис» проник под сцену, где и скрылся, притаившись как раз под тем местом, на котором мы с Липковской должны были выступать.

Липковскую встретили, громом аплодисментов. У меня же пол горел под ногами, и что я вытворял вместо аккомпанемента—не помню. В публике никто, конечно, и думать не мог,

что под эстрадой, как загнанный зверь в западне, сидит человек, а вокруг театра ходят ищейки, готовые наброситься на него и схватить. После концерта, когда артистов окружила толпа, мы незаметно вывели «Бобиса» из его убежища и скрыли в надежном месте. Стр.40

Вскоре «жгучий брюнет» уже был за границей. Под именем Эжена Пьера он вместе с М. М. Литвиновым закупал в Германии и Дании оружие, которое отправлял в Россию для боевых дружин.

Уже гораздо позднее я виделся с ним в Петербурге, и мы вспоминали наши встречи в Финляндии.

„Григорий Иванович»
(Александр Михайлович Игнатъев)

Описывая жизнь большевистского подполья и работавших в нем товарищей, не могу не вспомнить Александра Михайловича Игнатъева (партийная кличка его была «Григорий Иванович»).

Александр Михайлович вступил в Боевую техническую группу в 1905 году, вскоре после ее создания, и участвовал в ее работе до самой ликвидации группы. Это был настоящий, прирожденный боевик. Именно такие люди нужны были для той новой работы, которую мы развертывали с начала 1905 года.

Характер Александра Михайловича Игнатъева сформировался под влиянием его отца Михаила Александровича — человека незаурядного, заслужившего любовь и уважение всех, кто с ним сталкивался. «Быть полезным своей Родине» — таков был девиз Михаила Александровича. Этот же девиз он стремился сделать обязательным и для своей семьи. Особой его любовью пользовался сын Шура, в котором он видел много свойств своего характера.

Михаил Александрович окончил с отличием Медицинскую академию. Ему прочили большую будущность как химику, уговаривали стать специалистом в этой области. Но он от всего отказался и поступил в отряд генерала Гурко, с которым в 1877 году проделал всю русско-турецкую кампанию. Попутно он вел и научную работу, сразу был прикомандирован к Медикохирургической академии для научно-практического усовершенствования, защитил диссертацию и получил звание магистра ветеринарных наук.

Михаил Александрович основал в Петербурге первую в России станцию микроскопического исследования мяса и Городской мясной патологический музей. Этот музей впоследствии сослужил большую службу нашей подпольной революционной работе. Его муляжи мы нередко использовали для хранения документов и оружия.

В связи с этим мне вспоминается такой любопытный случай. В мясном патологическом музее работала художница Афанасия Леонидовна Шмидт, принимавшая в 1905 году участие в деятельности Боевой технической группы (партийная кличка А. Л. Шмидт — «Фаня Беленькая»).

«Фаня Беленькая» делала муляжи (модели) мяса животных и птиц, а также продуктов, изготовлявшихся из них. Изготавливались модели из особого материала, изобретенного «Фаней», причем делала она их очень искусно. На выставке в Дрездене «Фаня» получила за свои изделия почетный диплом, а на выставке в Петербурге — золотую медаль. В муляжи «Фаня» очень ловко прятала документы и оружие, заливая их в общую массу. Однажды «Фане» принесли револьвер, который нужно было тщательно спрятать. Она вложила револьвер в модель окорока ветчины. Когда впоследствии отбирали экспонаты для выставки в Дрездене, М. А. Игнатъев, ничего не зная о револьвере, взял в руки окорок и пришел в восторг:

«Ведь и по весу он совершенно верен, дайте-ка весы!» Весы подали, и оказалось, что муляж по весу равен настоящему окороку.

«Фаня» очень смутилась и забеспокоилась, пытаясь доказать, что муляж еще не готов, что его надо исправить. Но ее уговоры не подействовали. В отсутствие «Фани» окорок запаковали в ящик, заштемпелевали и отправили. Она всё время очень тревожилась, но экспонат, пробыв положенное время на выставке в Дрездене, возвратился обратно цел и невредим, вместе с помещенным в нем револьвером.

«Окорок», в который был заключен револьвер, сейчас хранится в Музее Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде.

Михаил Александрович Игнатъев занимал крупный пост чиновника особых поручений пятого класса. Но своим высоким положением он тяготился, в высших чопорных кругах

чувствовал себя плохо и тянулся к простым людям.

У Игнатьевых было на территории Финляндии, на Карельском перешейке, перешедшее семье по наследству имение Ахи-Ярви. Когда наступало лето, Михаил Александрович говорил сыну Александру:

— Шурочка, пригласи к нам в Ахи-Ярви бедных студентов, пусть отдохнут.

Под видом отдыхающих «бедных студентов» здесь летом жили и работали наши товарищи подпольщики. Это не было секретом для Михаила Александровича. Он прекрасно понимал, чем занимается его сын, относился к этому сочувственно, хотя и делал вид, что ничего не знает. Впрочем, в очень узком кругу Михаил Александрович говорил:

— Если бы у меня не было семьи, я, как и Шура, окунулся бы в подпольную работу.

Когда сын уезжал и долго не возвращался, Михаил Александрович очень волновался, опасаясь ареста Александра. Однажды Александр Михайлович уехал из имения по очень ответственному и опасному делу, связанному с добыванием динамита, и пропал несколько дней. Возвращался он в поезде вместе с товарищами финнами. Они знали его только по кличке «Григорий Иванович», так и величали его. Вдруг в переполненный вагон вошел Михаил Александрович, увидел сына, обрадовался и ляпнул на весь вагон:

— Шурочка! Наконец-то ты, а я уж думал, что тебя повесили!

Многие товарищи, работавшие в боевой группе, знали отца Александра Михайловича, были уверены в том, что он в любое время поможет. Его городская квартира служила постоянным приютом для подпольщиков, складом, где хранилась нелегальная литература. В имении Ахи-Ярви орудовали наши химики, экспериментируя с бомбами. Михаил Александрович устраивал подпольщиков у себя на службе и никогда не давал их в обиду. Часто выручали нас из тяжелого положения его генеральский мундир, голубая подкладка и орлы на плечах.

Таков был отец Александра Михайловича. Немного было таких людей, но они, несомненно, играли свою роль в нашей подпольной работе. Они не только служили надежной опорой в нашей конспирации, прикрывали ее своим положением, личным влиянием, но и, внутренне сочувствуя нам, были нашим скрытым активом.

В подпольной революционной работе чрезвычайно важна была преемственность. Каждый из нас, как бы он ни был законспирирован, мог в любой момент выйти из строя. Поэтому мы придавали большое значение приобретению новых членов организации, которые могли бы быть не только рядовыми, но и командирами, проявлять свою инициативу, развивать и расширять работу.

Александр Михайлович явился именно таким товарищем. Обладая всеми свойствами дисциплинированного рядового, он с самого начала своей деятельности проявил склонность быть организатором и вносить в дело новые начала, создавать новые условия и новые принципы работы. Правда, особенно вначале, он часто делал то, что ему, как человеку, занимавшему в группе руководящее положение, делать не следовало: сам возил и носил оружие, сам не только добывал, но и провозил динамит.

Ему, как одному из руководителей боевой группы, единственной в то время в Петербурге при всей сложности ее специфической организации, надо было быть особенно начеку. Будь это в мою бытность организатором, я до многого не допустил бы Александра Михайловича. Наверное, мы не раз бы поссорились с ним из-за отсутствия у него необходимых для руководителя осмотрительности и осторожности. Выручали Александра Михайловича его необычайная сметливость, сообразительность во время опасности и необыкновенная изобретательность.

Используя имение своего отца Ахи-Ярви, Александр Михайлович отлично организовал в 1906 году транспортировку оружия из Финляндии в Россию.

Мы с ним работали бок о бок: я ведал закупкой оружия за границей и транспортировкой его в Финляндию, а Игнатьев отправлял его дальше, в Россию.

Александр Михайлович не только сумел блестяще использовать связи с финнами, которые я ему передал, но и установил новые знакомства. Я был связан главным образом с финской буржуазией, интеллигенцией — адвокатами, студентами, артистами, служащими различных учреждений, начальниками железнодорожных и почтовых станций и т. д. Александр Михайлович, владея финским языком, приобрел друзей среди рабочей молодежи, местных крестьян. Помогали переправлять оружие в Петербург финские железнодорожники — машинисты, кочегары, кондукторы. Они прятали оружие в угле, дровах, паровых котлах, везли в бидонах

с молоком, проявляли исключительную изобретательность и находчивость.

Завязал Александр Михайлович знакомства и с контрабандистами. Некоторых из них он сумел так сагитировать, что они даже гордились возможностью помочь русской революции, шли на риск при провозке оружия и отказывались от вознаграждения.

Имение Ахи-Ярви было расположено неподалеку от русской границы, в нескольких верстах от большого тракта, шедшего из Петербурга в Выборг. Шоссейные дороги соединяли Ахи-Ярви почти со всеми железнодорожными станциями на Карельском перешейке. Таким образом, это имение было очень удобным перевалочным пунктом. Работу А. М. Игнатьева облегчало то обстоятельство, что он хорошо знал местные условия, имел знакомства среди помещиков, крестьян, даже среди полицейских, поддерживал товарищеские отношения с сыновьями и дочерьми и другими родственниками служащих на близлежащих железнодорожных станциях.

Александр Михайлович предложил партии использовать Ахи-Ярви для Боевой технической группы при ЦК, на что и получил полное согласие. Правда, Ленин не всегда одобрял проекты изобретательного «Григория Ивановича». Некоторые его проекты Владимир Ильич не только критиковал, но и запрещал. Однако об этом речь будет впереди.

Леонид Борисович Красин, возглавлявший Боевую техническую группу, держал нас тоже, что называется, «в струне». Но если нам удавалось удачно «рискнуть», он поощрял нас и не раз брал на себя ответственность за наши действия. Красину нравился размах Александра Михайловича, он не раз отмечал его недюжинные способности.

Деятельность Александра Михайловича велась главным образом в двух направлениях. Он ведал добычей, хранением и транспортом оружия. - Кроме того, Игнатьев организовал химическую группу, добывал взрывчатые материалы, руководил изготовлением, хранением и перевозкой бомб.

Игнатьев привлек к участию в транспорте оружия из Финляндии в Россию много молодежи. Как перевалочные пункты были использованы дачи, принадлежавшие родителям наших молодых товарищей. Для некоторых транспортеров были сняты дачи, расположенные в удобных пунктах по пути следования транспорта. Такая дача была снята, например, в Териоках на Варваринской улице. Принадлежала она финну Комулайнену. Поселились на этой даче участвовавшие в работе боевой группы Варвара Ильинична Четвериков, студентка курсов Лесгафта, ее муж Николай Куприянович Четвериков, студент Технологического института, и Иван Иванович Березин («Илья»).

Грузы с оружием я направлял на станцию Райвола, откуда они отвозились на лошади в имение Ахи-Ярви. Оттуда часть оружия доставлялась в Териоки, на дачу Четвериковых. К ним приезжали наши товарищи из города, главным образом студенты и курсистки, которые на себе отвозили оружие в Петербург. Сначала они складывали оружие в небольшой чертежной Технологического института, а оттуда всё распределяли по конспиративным квартирам.

Оружие и взрывчатые вещества транспортеры накладывали на себя, под одежду, заворачивали вощанкой, привязывали множеством бинтов. Уезжали из Териок сильно пополневшими. Приходилось прибегать к разным уловкам, чтобы не вызвать подозрений жандармов.

Были, конечно, помимо дачи, на которой жили Четвериковы, и другие перевалочные пункты.

Часть оружия Игнатьев направлял водным путем в Разлив с помощью рабочих, членов боевой дружины Сестрорецкого завода Н. А. Емельянова, Т. И. Поваляева, И. И. Анисимова и других, выезжавших в море под видом рыбаков и нагружавших свои рыбацьи лодки оружием.

Установил Игнатьев связь и с хозяином гостиницы «Товарищ» в Териоках. По соглашению с Александром Михайловичем, владелец гостиницы прописывал наших людей по чужим паспортам, брал с них за проживание дешевле, чем обычно.

Александр Михайлович всегда стремился вести работу не кустарным способом, а поставить ее в широком масштабе. Многое ему блестяще удавалось. К одному из таких предприятий относится «доставка удобрений» в имения крестьянам, которые и не подозревали, конечно, что скрывалось за всем этим. На территории городской бойни в Петербурге сваливалась зола, получавшаяся от сжигания отбросов с бойни. Александр Михайлович заинтересовался золой, сделал анализ, и оказалось, что она содержит много фосфорной кислоты. Испытав ее как удобрение для лугов, Александр Михайлович получил хорошие результаты и

заинтересовал этим соседей-финнов. Спрос на золу был велик, и она отправлялась Стр.43 вагонами из Петербурга в Финляндию. Всему делу был придан хозяйственно-коммерческий характер. Со станции в имения шли целые обозы с золой, и никому в голову не приходило подозревать, что вместе с золой была организована доставка оружия.

При этом на случай неожиданного налета жандармов, если бы транспорт был прослежен, установили сигнализацию, видимую за много километров. Подводы проезжали по дороге, идущей через гористую местность. Приблизительно на полпути на высоком холме стояла в Кивинапе церковь, видимая с вышки дома в Ахи-Ярви. Сын пономаря Саша Пимия должен был дежурить на колокольне, с которой в бинокль просматривалась большая часть дороги. В случае опасности он сигнализировал Александру Михайловичу, дежурившему во время приближения подводы на вышке дома в Ахи-Ярви.

Тифлисская экспроприация также не обошлась без участия Александра Михайловича Игнатьева. Ему была передана крупная сумма — двести тысяч рублей — пятисотрублевыми ассигнациями, с тем чтобы он их разменял. Александр Михайлович снял специальную дачу для художницы А. Л. Шмидт («Фани Беленькой»), работавшей в боевой группе, приобрел микроскоп, и она принялась переделывать номера на экспроприированных пятисотках. Работала она по ночам.

Все пятисотки были благополучно разменены. Только с одной пятисоткой произошел казус: первая цифра в номере вышла меньше остальных. Красин ее забраковал, но посоветовал в шутку: «Вы ее не уничтожайте, спрячьте и сохраните для будущего Музея революции».

Пятисотка была заделана в бутылочку и закопана в определенном месте в Ахи-Ярви. Когда в 1934 году я разыскивал в Финляндии историко-революционные материалы, то с большим трудом нашел и откопал эту бутылочку. В настоящее время она хранится в Музее Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде.

Ввиду того что добывать оружие было крайне трудно, так как на это требовались огромные средства, а их не было, ЦК дал директиву наладить производство бомб. Мною были организованы мастерские для изготовления оболочек, лаборатории, закупка и транспорт из-за границы бикфордова шнура и запалов с гремучей ртутью. В этой, как тогда называли, «химической» работе Александр Михайлович проявил себя с еще большей энергией, неизменно сам принимал участие во всех рискованных предприятиях. Он получил ряд серьезнейших заданий: расширить получение материалов, в частности динамита, пикриновой кислоты, поставить опыты по взрыванию готовых бомб и т. п. В этом отношении имение Ахи-Ярви сослужило огромную службу боевой группе. Широко были поставлены лабораторные опыты, фабрикация пикриновой кислоты, в которой большое участие принимал Иван Иванович Березин («Илья»).

Динамит—«дядю», как его конспиративно называли, — Александр Михайлович в больших количествах добывал на складах Финляндии. Финские газеты того времени много говорили о таинственных исчезновениях динамита со складов, но ни разу никто не попался.

Постоянно производились опыты с метанием бомб. Александр Михайлович старался всегда присутствовать при этом и умолял дать ему попробовать метать.

Скоро Ахи-Ярви стало центральным местом хранения взрывчатых веществ и экспериментов с ними. Был организован целый ряд передаточных пунктов в близлежащих дачных местностях, главным образом по железнодорожной линии от станции Перки-Ярви до станции Куоккала.

Так продолжалось до начала реакции, когда партия была вынуждена ликвидировать боевую группу. Тогда началась не менее сложная и ответственная работа по очищению складов и подысканию долговременных хранилищ. И в этом деле Александр Михайлович проявил себя с исключительной энергией. Ахи-Ярви скрыло в своих лесах и укромных местах много всякого рода оружия и взрывчатых веществ. Вырывали склепы, в которые замуровывали ящики. На ящики настилали бревна, которые засыпали землей. Затем клали дерни мох, а сверху сажали деревья. Вокруг этих мест рубили лес и устраивали завалы из деревьев, чтобы трудно было до них добраться. Был случай, когда бревна такого хранилища подгнили и в яму провалилась корова, но местная полиция решила, что склад остался от давних времен, о чем и было сообщено в газетах. Так никто и не догадался о подлинном происхождении найденных снарядов и оружия.

Из своеобразных партийных заданий, которые выполнял Александр Михайлович, следует

отметить его «женильбу» на сестре фабриканта Шмидта, трагически погибшего в тюрьме во время Московского восстания в декабре 1905 года. Перед смертью Шмидт завещал свое состояние большевистской фракции РСДРП. Сестра его Елизавета Павловна хотела немедленно выполнить его волю, но, будучи несовершеннолетней, не могла этого сделать. По инициативе Л. Б. Красина, ЦК партии предложил ей устроить фиктивный брак, чтобы она попала под опеку «мужа», который передал бы партии полученное наследство. Елизавета Павловна согласилась.

Вначале кандидатом в «женихи» намечали меня, о чем сохранилось подтверждение в виде письма Л. Б. Красина Алексею Максимовичу Горькому и М. Ф. Андреевой. Вот выдержка из этого письма: «...придется убеждать Николая Евгеньевича жениться. Дело слишком важно, приходится всякую сентиментальность отбросить в сторону и прямо уговаривать Н. Е., так как мы не имеем другого кандидата. Важно, чтобы и Вы и Мария Федоровна прониклись этими доводами, так как без Вашего содействия я не уверен, чтобы нам удалось уговорить Г. Ф....» (Г. Ф. — «Герман Федорович» — кличка Н. Е. Буренина).

В конце концов по моему предложению остановились на Александре Михайловиче, который после некоторых колебаний согласился стать «женихом» и выехал в Женеву для выполнения задуманного.

Выбор пал на Александра Михайловича Игнатьева потому, что положение его очень этому благоприятствовало. Отец его был генерал, действительный статский советник, помещик, дворянин, и женитьба с внешней стороны была совершенно оправданна. Александр Михайлович выехал в Женеву. На заседании, на котором присутствовал Владимир Ильич Ленин, «смотрели жениха». Несмотря на его протесты («Я привык к боевой деятельности, разрешите мне не жениться!»), вопрос был всё же решен положительно.

Начались окончательные переговоры с Елизаветой Павловной. Виктор Таратута—ее возлюбленный — старался никого не допускать к ней, указывая, что должен охранять ее спокойствие, ссылаясь главным образом на то, что она беременна и ей неудобно официально венчаться в церкви. Однако Елизавета Павловна при личном свидании дала свое согласие на всё, что от нее требовалось, и решено было венчаться в Париже, в русской посольской церкви.

Резкая перемена произошла в жизни Александра Михайловича. Из профессионального революционера, жившего напряженной жизнью, полной приключений, ежеминутного риска, ему сразу надо было переключиться на роль беспечного богача, прожигающего жизнь за границей. Только что он спасался от русских шпииков — и вдруг Париж, богатый отель, свидание с царским консулом. Но отступать нельзя было. Князь Кугушев, выхолненный царский чиновник, принял богатого жениха вне очереди. Поигрывая золотым браслетом, он усадил Александра Михайловича в кресло в своем роскошном кабинете. Прежде всего он поинтересовался, знает ли Игнатьев Париж.

— Какие женщины! Какие лошади! Цветы! Пальчики оближете! Хотите, я буду вашим чичероне? Такие местечки покажу...

Александр Михайлович ответил, что все перечисленные соблазны его мало интересуют.

— Мне интересны музеи, театры, опера... Консул взял другой тон:

— А, понимаю, вы ме-це-нат, — протянул он. — Но почему вы женитесь на купчихе? — В тоне консула прозвучало презрение.

Очень хотелось Александру Михайловичу поколотить вылощенного князя, но надо было выдержать свою роль до конца. Жившие в Париже товарищи немедленно приняли участие в общем деле. Так, например, один из них, Саша Волковысский, ранее энергично работавший в боевой группе и бежавший от жандармов в Париж, взял на себя заботу приодеть «жениха». Он повел его к лучшему портному.

Александру Михайловичу было неловко от проявленного к нему необычайного почтения. Француз обхаживал его со всех сторон, не знал, где и как посадить, расспрашивал о его капризах, стремился пойти навстречу малейшей прихоти заказчика. Александр Михайлович не понимал, почему ему оказывается такое внимание и, только получив шикарное пальто и сюртук, случайно выяснил причину любезности портного. Во внутренних карманах были вшиты ленточки с напечатанными на них фамилией владельца фирмы и именем заказчика: «Compte Ignatieff» («Граф Игнатьев»).

Волковысский, так отрекомендовавший портному заказчика, сконфуженно объяснил, что

ведь ничего плохого в этом нет, — он посоветовался с товарищами, и они решили, что «для дела хорошо, и портному удовольствие».

Стр.45

Владимир Ильич Ленин принимал живое участие в этом деле. Александр Михайлович ездил к нему в Женеву. Владимир Ильич давал советы, как надо держать себя.

Венчание происходило по всем правилам в посольской церкви. Шафером был Михайлов, известный в подполье как «Дядя Миша». Будучи еще студентом, он был приглашен репетитором к детям фабриканта Шмидта, и благодаря ему они прониклись революционными идеями.

При венчании произошел курьез. Когда священнику пришло время сказать «поцелуйтесь», он посмотрел на Елизавету Павловну и сказал:

— Вы, очевидно, уже раньше поцеловались, но это ничего. Господь бог благословит ваш брак.

Родившийся впоследствии младенец, так же как и последующие дети, получил фамилию Игнатьев.

Для видимости на имя Александра Михайловича была снята и хорошо обставлена квартира в четыре-пять комнат, а Виктор Таратута числился «другом дома», что для Парижа вполне естественно.

Фактически Александр Михайлович жил в каком-то захолустном доме, в комнатухе на седьмом этаже. У него постоянно ночевали товарищи, эмигрировавшие из России.

Следует отметить, что некоторые проекты Александра Михайловича, как человека увлекающегося, отличались и авантюризмом. Таким был проект похищения Николая II из Нового Петергофа.

Царский конвой состоял из уроженцев Кубани, главным образом из потомков запорожских казаков. Жили они в Новом Петергофе обособленно от всего остального населения. Надо сказать, что у конвойных царя были свои претензии к царскому двору. Их чувства страдали от того, что на высшие командные должности в казачьих войсках назначались представители русского дворянства, в том числе выходцы из остзейских баронов, причем они особыми актами вносились в списки казаков той или иной станицы.

До казаков доходили слухи, что молодая царица, немка по национальности, покровительствует немцам, делает их командирами, губернаторами. Конвойные были убеждены, что всё это делается без ведома царя, и хотели использовать свою близость ко двору, чтобы открыть царю глаза на всё.

Один из знакомых Александра Михайловича Игнатьева — Владимир Александрович Наумов — служил в конвое и предложил использовать настроение казаков для революционных целей.

Александр Михайлович говорил, что конвойные ему очень нравятся, что это самые красивые люди в Петербурге. С увлечением рассказывал он, как красавцы-конвойные, собирая к себе на «круг» окрестных кухарок и горничных, пели свои казацкие песни, танцевали лезгинку, гопака. Описывал их лица оливкового цвета, носы с горбинкой, белые зубы, блестящие при улыбке. Постепенно Александр Михайлович завоевал доверие конвойных, которые охотно рассказывали ему о своей жизни. Они жаловались на «немчуру», говорили о том, как презирают сновавших вокруг сыщиков. При случае конвойные били этих сыщиков смертным боем. «Эти сволочи переодеваются, — заявляли конвойные. — Подумаешь, барин с тросточкой, а мы грудью стоим за царя, сутками с коня не слезаем».

Среди казаков образовалась инициативная группа, решившая приступить к действиям. На эту группу и думал опереться Наумов через знакомого казака. Отец Наумова был начальником почтово-телеграфной конторы на даче «ее величества», и квартира их входила в так называемую полосу оцепления. На дежурстве у Наумова постоянно находилось несколько казаков, и таким образом весь конвой хорошо знал его сыновей.

Возник такой план: написать воззвание к казакам, что царь-де обманут царицей, министрами-немцами, которые хотят его погубить, чтобы бесконтрольно править Россией. Необходимо раскрыть царю глаза. Это должны сделать казаки конвоя, как наиболее близко к нему стоящие. Так как он может им не поверить и остаться в угрожающей его жизни обстановке, то надо его «уворовать», спрятать в надежном месте и рассказать обо всем происходящем.

Дворец со службами и окружающим парком был днем и ночью оцеплен конвоем. Ввиду

того что братья Наумовы, так же как и дети некоторых других дворцовых служащих, Стр.46 сочувствовали революции, имелась возможность группе революционеров проникнуть в полосу оцепления и, находясь там, привести свой план в исполнение.

Рассчитывали на то, что воззвание вызовет возмущение казаков против высших начальников конвоя и требование удалить этих чуждых им офицеров-аристократов. В назначенный день инициативная группа должна была занять дежурные посты и захватить в свои руки царя.

К этому времени намечали приготовить буер, лучший в Новом Петергофе, принадлежавший сыну одного из дворцовых служащих. Группа революционеров должна была отбить у казаков царя, посадить его на буер и доставить в течение нескольких минут к берегам Финляндии, где уже ждали бы лошади из имения Ахи-Ярви.

Недалеко от Ахи-Ярви, в глубоком лесу, находился дачный участок некоего Денисова, с сыном которого, анархистом, Александр Михайлович сговорился снять дачу для революционных целей, не говоря, для каких. Для всех окружающих, как и для отца Денисова, на даче должна была поселиться семья, один из членов которой был буйно помешанный, чтобы таким образом можно было избежать посещения любопытных. О присутствии на даче помешанного было предварительно переговорено и с полицейским в Кивинапа (чтобы не было, как ему было сказано, «недоразумений»).

Прежде чем приступить к осуществлению этого проекта, Александр Михайлович обратился за разрешением к Владимиру Ильичу. Ленин передал Александру Михайловичу свое категорическое запрещение, заявив: «Не время тратить на авантюры силы, которые пригодятся на планомерную работу».

Это не помешало, однако, Владимиру Ильичу с большим уважением относиться к А. М. Игнатьеву.

Как известно, А. М. Игнатьев проявил себя и как талантливый изобретатель. В годы первой мировой войны, находясь в армии на передовых позициях, он сконструировал оригинальный прицельный прибор для стрельбы по воздушным целям. В то время царская армия подобными приборами не располагала. Огонь по самолетам противника вели с помощью обычных полковых пушек, которые были установлены на деревянных поворотных кругах, сколоченных из шпал. Эти пушки стреляли без специальных прицелов и никакого вреда вражеским самолетам не причиняли.

Казалось бы, командование царской армии должно было ухватиться за изобретение Игнатьева. Началась, однако, обычная волокита, представлявшая собой прямое предательство. Только к концу 1916 года аппарат, сконструированный Игнатьевым, был изготовлен кустарным способом. Главное артиллерийское управление царской армии наконец рассмотрело его и признало самым лучшим из всех зенитных прицелов, известных в то время. К изготовлению таких прицелов собирались приступить на Петроградском артиллерийском заводе. Но так и не собрались. Лишь после победы Октябрьской революции взялись за это дело.

Еще до Октября Александр Михайлович говорил товарищам, что его прибор понадобится социалистической республике для обороны от вражеской авиации. Его слова оправдались. Изобретением А.М. Игнатьева заинтересовался Владимир Ильич Ленин. Среди бумаг Александра Михайловича уже после его смерти мною был найден следующий документ, подписанный Владимиром Ильичом:

«Тов. Аралову (или его заместителю).

Податель — тов. Александр Михайлович Игнатьев, о котором я с Вами говорил. Всё и быстро сделайте для него» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 6961).

Семен Иванович Аралов был заведующим оперативным отделом Реввоенсовета республики. В записке В. И. Ленина идет речь о том, чтобы Александру Михайловичу Игнатьеву была оказана всемерная помощь в развитии и реализации его изобретения. Воодушевленный поддержкой Ильича, изобретатель принялся за работу.

В известных воспоминаниях А. М. Горького «В. И. Ленин» рассказывается о том, как Владимир Ильич встретился с А. М. Игнатьевым в Главном артиллерийском управлении:

«В сумрачной комнате, вокруг стола, на котором стоял аппарат, собралось человек семь хмурых генералов, все седые, усатые старики, ученые люди. Среди них скромная штатская фигура Ленина как-то потерялась, стала незаметной. Изобретатель начал объяснять конструкцию аппарата. Ленин послушал его минуты две, три, одобрительно сказал: «Гм-гм!» — и

начал спрашивать изобретателя так же свободно, как будто экзаменовал его по вопро- Стр.47
сам политики:

— А как достигнута вами одновременно двойная работа механизма, устанавливающая точку прицела? И нельзя ли связать установку хоботов орудий автоматически с показаниями механизма?

Спрашивал про объем поля поражения и еще о чем-то, — изобретатель и генералы оживленно объясняли ему, а на другой день изобретатель рассказывал мне:

— Я сообщил моим генералам, что приедете вы с товарищем, но умолчал, кто—товарищ. Они не узнали Ильича да, вероятно, и не могли себе представить, что он явится без шума, без помпы, охраны. Спрашивают: «Это техник, профессор? Ленин?» Страшно удивились: «Как? Не похоже! И—позвольте—откуда он знает наши премудрости? Он ставил вопросы как человек технически сведущий! Мистификация!» Кажется, так и не поверили, что у них был именно Ленин...

А Ленин по дороге из ГАУ... говорил об изобретателе:

— Ведь вот как можно ошибаться в оценке человека! Я знал, что это старый честный товарищ, но — из тех, что звезд с неба не хватают. А он как раз именно на это и оказался годеи. Молодчина! Нет, генералы-то как окрысились на меня, когда я выразил сомнение в практической ценности аппарата! А я нарочно сделал это, — хотелось знать, как именно они оценивают эту остроумную штуку.

Залился смехом, потом спросил:

— Говорите, у И. есть еще изобретение? В чем дело? Нужно, чтоб он ничем иным не занимался. Эх, если бы у нас была возможность поставить всех этих техников в условия, идеальные для их работы! Через двадцать пять лет Россия была бы передовой страной мира!»

В дальнейшем широко развернулась изобретательская деятельность А. М. Игнатьева. В 1926 году он сконструировал самозатачивающийся режущий инструмент, получивший мировое признание. Александру Михайловичу принадлежат и другие важные изобретения.

Послесловие

С. Полесев

Большая жизнь

Мне довелось часто видеть Николая Евгеньевича Буренина в последние годы его жизни, подолгу беседовать с ним, быть свидетелем его многочисленных встреч с молодежью. Я помню, как затихала взволнованная аудитория, когда этот седой человек с усталым лицом начинал свою неторопливую речь.

Однажды студенты попросили Буренина рассказать о каком-нибудь дне, особенно запечатлевшемся в его памяти. Николай Евгеньевич задумался. И вспомнил далекий-далекий осенний день, перрон Финляндского вокзала, квартиру на Можайской улице.

...8 ноября 1905 года Владимир Ильич вернулся в Петербург из Женевы. О его предстоящем приезде знали только несколько человек, члены Центрального Комитета. Но и они не могли встретить Ленина на вокзале, надо было строго соблюдать требования конспирации.

Когда Владимир Ильич вышел на перрон, к нему шагнул, крепко пожал ему руку одетый с иголки, весьма респектабельный господин Ленин сразу узнал его:

— Здравствуйте, Герман Федорович. Очень рад вас видеть. В Питере встречаться приятнее, чем в Женеве.

Вместе они вышли на площадь, сели в пролетку и направились в сторону Невского. Пролетка остановилась на тихой Можайской улице, у дома номер восемь. Сопровождаемый «Германом Федоровичем», Ленин вошел в мрачноватый подъезд, поднялся на четвертый этаж.

Навсегда запомнил «Герман Федорович» эти минуты, проведенные с Лениным. Он едва успевал отвечать на вопросы Владимира Ильича, рассказывал о стачке на Семянниковском, о волнениях на Ижорском, о новой забастовке на Балтийском. Ленин жадно слушал. Он был счастлив, что вырвался из постылой эмиграции, из «проклятого женевского далека» в кипящий, революционный Питер.

В доме на Можайской жила сестра «Германа Федоровича». От политики она была далека, но с детских лет питала горячую привязанность к брату и готова была оказать ему любую услугу. В ее квартире хранилась нелегальная литература, встречались большевики-подполь-

щики.

«Герман Федорович», «Герман», «Виктор Петрович», «Том», «Борис Иванович»... Таковы были конспиративные имена Николая Евгеньевича Буренина, человека необычной и яркой судьбы, профессионального революционера, активного работника большевистской партии.

Незадолго до смерти Буренина его навестила Елена Дмитриевна Стасова, приехавшая на несколько дней из Москвы в Ленинград. Они встретились в квартире на Рузовской улице, где

Буренин прожил всю свою жизнь. Когда-то Елена Стасова приходила в эту квартиру, чтобы «нагрузиться» нелегальной литературой, которую нужно было доставить куда-нибудь за Невскую заставу или на Выборгскую сторону. И вот та же квартира на Рузовской спустя шесть десятилетий. В этот вечер здесь вновь и вновь звучал вопрос, сопровождающий обычно беседу старых друзей после долгой разлуки: «А помните?»

Вспомнили, конечно, музыкальные четверги на Фурштадской, в квартире Дмитрия Васильевича Стасова, старшины присяжных поверенных Петербурга. Оказывается, за этими вечерами царская охранка вела пристальное наблюдение. Охранное отделение докладывало министру внутренних дел в одном из секретных донесений: «Квартира семейства Стасовых часто стала служить местом собраний неблагонадежных лиц, в присутствии которых, под видом семейных вечеринок, производилось чтение лекций и рефератов с денежными сборами в пользу различных революционных фондов». И в первую очередь охранников, конечно, интересовала дочь Дмитрия Васильевича — учительница воскресной рабочей школы Елена Стасова. «Стасова, — говорилось в этом донесении, — известна Департаменту полиции еще с 1896 года по принадлежности своей к организовавшемуся в столице подпольному сообществу, именовавшемуся „Союзом борьбы за освобождение рабочего класса»».

Под влиянием Елены Стасовой Буренин вступил на трудный и опасный путь революционной борьбы. Интересы партии требовали, чтобы он не порывал связи со средой, в которой жил ранее. В кругу многочисленных знакомых, в светских петербургских салонах Николай Буренин оставался все тем же склонным к филантропии и либерализму молодым баринном, музыкантом, художником, поэтической натурой. Но и музыка и живопись отошли в его жизни на задний план. Он переправлял через Финляндию в Петербург ленинскую «Искру», ведал подпольными типографиями, складами литературы, явочными квартирами. Он выполнял и другие ответственные задания партии.

В мае 1905 года, в день окончания работы Третьего съезда партии, собрался вновь избранный Центральный Комитет. Об этом заседании ЦК напоминает документ, написанный рукой Ленина. Владимир Ильич перечислил товарищей, которым ЦК поручает в дни подготовки к вооруженному восстанию «технику, транспорт и кассу». Среди людей, упомянутых Лениным, мы видим наряду с «Винтером» — «ответственным техником, финансистом и транспортером», «Латышевым» — «ответственным распорядителем техники всей, транспорта внешнего и внутреннего» также и «Бориса Ивановича». «Винтер» — это Л. Б. Красин, «Латышев» — М. М. Литвинов, а «Борис Иванович» — Н. Е. Буренин.

Прошел месяц после съезда партии, и Буренин выехал в Женеву, к Владимиру Ильичу. Надо было решить вопросы, связанные с вооружением боевых рабочих дружин, с транспортировкой литературы. Через всю свою долгую жизнь пронес Николай Евгеньевич память об июньском дне 1905 года, когда он впервые встретился с Лениным.

Буренин покинул Женеву, а Надежда Константиновна Крупская направила Е. Д. Стасовой, в то время секретарю Петербургского комитета партии, зашифрованное письмо. «Борис Иванович был, — сказано в письме, — и, кажется, кое-что удастся устроить».

В те же дни Е. Д. Стасова писала В. И. Ленину и Н. К. Крупской о транспортировке литературы из Швейцарии в Петербург: «Пожалуйста, пошлите немедленно, если только средства позволят, по всем тем адресам, которые Вам оставил Том (Герман). Дело в том, что если Вы пошлете всё сразу, то всё будет привезено на специальной яхте и мы получим все очень быстро (насколько я помню, речь шла о 500 килограммах)».

В августе 1905 года Н. Е. Буренин доложил на заседании Центрального Комитета о принятых им мерах для приобретения оружия и транспортировки литературы в Россию. А спустя несколько дней он отправил подробный отчет в Женеву В. И. Ленину. Буренин сообщал Владимиру Ильичу о том, как работают созданные на окраинах Питера конспиративные мастерские по производству оружия и боеприпасов для рабочих дружин. Дело это было

сопряжено с огромными трудностями. «Для окончательного приготовления бомб нет Стр.49
самого существенного — запалов, — писал Буренин. — Остановка за капсюлями гремучей
ртути по два-три грамма и за бикфордовым шнуром. Не можете ли посоветовать, как быть?..
Вы, наверное, знаете, что у нас есть свои мастерские. И всё скоро остановится за отсутстви-
ем запалов».

По поручению Центрального Комитета Буренин выехал в Париж. Он закупил там бикфор-
дов шнур и запалы. В своих воспоминаниях Николай Евгеньевич рассказывает о боевиках-
транспортёрах, людях героического подвига, перевозивших оружие из-за границы в Россию.

Десятки лет дружбы связывали Н. Е. Буренина с Алексеем Максимовичем Горьким. В
начале 1906 года, когда Горькому угрожали репрессии за участие в Декабрьском вооружен-
ном восстании в Москве и он нелегально выехал в Финляндию, Буренин организовал охрану
писателя от царских ищеек. Весной 1906 года А. М. Горький выехал по поручению партии в
Соединенные Штаты Америки. Нужен был человек, который был бы ему надежным помощ-
ником в этой поездке. Выбор Центрального Комитета партии пал на Буренина.

Деятельность А. М. Горького в США, его выступления, из которых трудящиеся Соеди-
ненных Штатов узнавали правду о русской революции, его протесты против предоставления
царизму иностранных займов, его памфлеты и очерки, гневно разоблачавшие истинную сущ-
ность американского капитализма, вызвали озлобление правящих кругов США. Помня об
ответственности, возложенной на него партией, Н. Е. Буренин охранял великого писателя от
провокаций, помогал Горькому выполнить свою миссию в Америке. Вместе с Горьким Буре-
нин поздней осенью 1906 года приехал в Италию. Оттуда он направился в Петербург.

А. М. Горький часто писал из Италии своему верному другу, просил Буренина приехать на
Капри.

«Дорогой мой, если есть у тебя хотя малейшая возможность ехать сюда, я прошу тебя
сделать это... Приказываем: собирай свои манатки и дуй сюда немедленно. Здесь будем тебя
прокаливать на солнце, мыть в морской воде, кормить сытно и поить вкусно. Очень хочется
видеть тебя, и в желании этом нет ничего своекорыстного, кроме глубокой симпатии к тебе,
симпатия же — дело чистое... В самом деле, дружище, двигайся сюда, как только получишь
возможность, и — это будет очень хорошо... Очень любим тебя, как ты это знаешь».

Сколько дружеской теплоты и нежности в таких вот шуточных словах из письма Горького
к Буренину: «Старике, старике! Ты есть человеку хорошее, человеку живое, нужное!»

Горький делится с Бурениным своими взглядами на события в России. Идет 1907 год. В
стране свирепствует разнузданный террор, контрреволюция разворачивает наступление и на
идеологическом фронте. Но письма Горького проникнуты оптимизмом, бодростью, верой в
победу революции:

«Все курилки живы, благоденствуют и наполняют воздух чадом своего тления. Но всё это
— пена, всё это — мусор, прибитый к берегам бурей, он скоро сгниет на солнце. А само море
во глубинах и далях его чисто и прекрасно, могуче и обещает еще много освежающих душу
бурь».

«Любить Россию надо, — пишет Горький Буренину, — она этого стоит, она богата великими
силами и чарующей красотой».

Вернувшись в Петербург из длительной заграничной поездки с А. М. Горьким, Буренин
возобновил свою деятельность партийного техника, но летом 1907 года тюремный надзира-
тель закрыл за ним дверь одиночной камеры в «Крестах».

Перед нами копия обнаруженного в архиве дела, заведенного в 1907 году департаментом
полиции на «находящегося под стражей в Санкт-Петербургской одиночной тюрьме потом-
ственного почетного гражданина Николая Евгеньевича Буренина, принадлежащего к техни-
ческой группе Центрального комитета социал-демократов».

В своей книге «Памятные годы» Н. Е. Буренин рассказывает о днях, проведенных в «Кре-
стах». Уже после выхода в свет первого издания книги, после смерти Николая Евгеньевича
его родные нашли в семейном архиве рукопись неопубликованного очерка «Маевка в тюрь-
ме», принадлежащего перу Н. Е. Буренина. Автор вспоминает, как отметили в 1908 году
Первое мая политические заключенные петербургской тюрьмы «Кресты».

«Окна камер были под самым потолком и, чтобы добраться до них, приходилось подста-
вить стол, на стол еще водрузить табуретку и, только взобравшись на нее, можно было
взглянуть в окно. Но это категорически запрещалось. Внутри двора, вдоль стены ходил сол-

Стр.50
дат с ружьем и следил, чтобы заключенные не подходили к окнам. Провинившихся строго наказывали: лишали прогулок, передач, свиданий с родными. Тем не менее в окна смотрели до тех пор, пока солдат, после второго окрика, не брал ружье на прицел или в камеру не врывался надзиратель.

Окно камеры одного товарища на четвертом этаже выходило в тюремный двор, отделенный каменной стеной от Симбирской улицы (теперь улица Комсомола).

Товарищ этот был очень изобретателен. Он ловко наладил связь с «волей». Раз в неделю заключенные получали передачу (продукты и белье), обратно разрешалось передавать свое белье для стирки. В эти передачи, как в ту, так и в другую, секретным способом вкладывались записки. Но как узнать, дошла ли записка благополучно?

Мимо «Крестов» по Симбирской улице ходила парная конка с империалом, т. е. с открытыми сиденьями на крыше. Оттуда можно было увидеть окна третьего и четвертого этажей тюремного корпуса, а из окон тюрьмы видны были люди, ехавшие на империале.

Если записка была получена, то в определенное время в окне камеры прикреплялся лист бумаги. Товарищи на конке, в свою очередь, отвечали условленным жестом: снимали фуражку или махали носовым платком.

И вот что произошло Первого мая 1908 года. Записка из тюрьмы была получена, но товарищ, обычно ездивший один, на этот раз пригласил с собой несколько человек, чтобы торжественно поздравить своего друга-заключенного. Проезжая мимо тюрьмы, они все сняли фуражки и стали махать платками. Это было замечено многими заключенными. Моментально раскрылись форточки, из них выпорхнули платки и полотенца, привязанные к длинным ручкам швабр.

Надо было случиться, чтобы в эту минуту конка остановилась — что-то ее задержало. И все пассажиры, видя, что из окон тюрьмы машут платками, повскакали со своих мест, стали махать шляпами и кричать:

— С Первым мая, то-ва-ри-щи! Из тюрьмы ответили:

— С Первым мая!..

...Надзиратели защелкали замками, бросились наводить порядок, солдат, ходивший вдоль тюремной ограды, растерялся, не знал, в какое окно кричать, кого предупреждать: «Сходи с окна, стрелять буду!»

Это длилось всего несколько минут, но минуты эти были для заключенных настоящим праздником».

Год просидел Буренин в тюрьме. Как ни бились охранники, стремясь уличить его, прочесть зашифрованные адреса в записной книжке, изъятой у него при аресте, искусный конспиратор свел на нет все их усилия.

Николай Евгеньевич был освобожден из тюрьмы «за отсутствием улик». Вскоре после выхода из тюрьмы он получил письмо от Е. Д. Стасовой. Елена Дмитриевна вела в те дни партийную работу в Тифлисе. «Мне ясно было до мелочей, — писала она Николаю Евгеньевичу, — что Вы должны пережить, идя на суд, и то, что Вы так к этому относились, наполнило мою душу гордостью. Ведь я чувствую всегда по отношению к Вам то, что всякий воспитатель ощущает по отношению к своему любимому ученику. И я горжусь, что мой любимый ученик — товарищ такой сильный душой, бодрый и жизнеспособный. Горжусь Вами, как своим трудом. Ясно?.. Рада зато теперь бесконечно, что Вы на свободе».

После выхода из тюрьмы Буренин возобновил свою работу в большевистском подполье. Как известно, партия, следуя указаниям Владимира Ильича, всемерно использовала для сплочения и воспитания масс профсоюзы, кооперативы, клубы, культурно-просветительные общества и другие легальные организации. Одной из таких организаций было Общество изящных искусств, созданное Н. Е. Бурениным в 1913 году. Выдающаяся русская актриса, член партии с 1904 года М. Ф. Андреева писала, вспоминая деятельность Буренина в Обществе изящных искусств: «Он был одним из инициаторов и главным организатором группы революционно настроенной интеллигенции, работавшей по распространению и по внедрению здорового и подлинного искусства в широких рабочих массах под фирмой «Общества изящных искусств». Эту работу с огромными трудностями, при бесчисленных препятствиях, чинимых ему царским правительством. Общество выполняло с большим умением, тактом и с большими достижениями. Тов. Буренин был душой этого дела, и в значительной степени благодаря его неунынным трудам, энергии, организаторскому таланту широким рабочим массам

Стр.51
был открыт доступ к настоящему искусству в противовес той дряни, которой кормили их в «Обществе трезвости» под эгидой принца Ольденбургского...»

Среди тех, кто присутствовал на музыкальных вечерах Общества изящных искусств, была и молодая питерская работница Груша. Она видела в те дни Буренина. «Какой редкий человек!—удивлялась Груша.—Барин, а заботится о том, чтобы рабочие развивались, слушали Глинку, Мусоргского, Чайковского». Вскоре Груша узнала, что не устройство концертов было главным делом Буренина.

Однажды Груша, выполняя партийное задание, поехала на пригородную станцию Дибуны. Ее предупредили, что во время остановки поезда на площадку вагона выйдет господин с цветком в петлице. У него нужно получить пакет. Указали Груше и номер вагона.

Груша повязалась платком, приняла вид разбитной пригородной бабенки и направилась в Дибуны. Остановился поезд. Как назло на перроне у самого вагона, в котором находился господин с цветком, торчал жандарм.

К великому своему удивлению, Груша узнала в господине с цветком Буренина, устроителя музыкальных вечеров для рабочих. А Буренин, даже не удостоив жандарма взглядом, подзвал Грушу:

— Отдайте, голубушка, это письмо Валентине Михайловне.

И вручил вместе с пакетом новенькую десятирублевку.

Поезд тронулся.

— Чего стоишь? Беги, неси письмо,—сказал жандарм. — А то давай адрес. За десятку я и сам сбегаю.

Груша сразу же спрятала десятку, точно боясь, что у нее отнимут деньги. Это очень рассмешило жандарма.

— Богатый, видно, барин, — сказал он.— Денег не жалеет.

— Да, не бедный, — подтвердила Груша.— А уж добрее его я человека не видела. — И прибавила, понизив голос, точно выдавала очень важную тайну:—Этот барин—ухажер нашей барыни.

Жандарм совсем развеселился, а Груша поспешила распрощаться с ним. В тот же день она доставила пакет по указанному ей адресу, а десятирублевку передала в партийную кассу.

Прошли десятки лет. Встречая Буренина, старая большевичка Агриппина Ильинична Круглова — Груша, вспоминала перрон на станции Дибуны и «господина с цветком» на площадке пассажирского вагона...

В годы первой мировой войны Н. Е. Буренин вел работу среди моряков Балтийского флота. «Прошу сообщить, не имеется ли в вашем распоряжении каких-либо неблагоприятных сведений о потомственном почетном гражданине Николае Евгеньевиче Буренине, проживавшем некоторое время в городе Москве. Названное лицо, как неоднократно привлекавшееся при Петроградском губернском жандармском управлении к дознанию за принадлежность к социал-демократической организации, в настоящее время, по-видимому, намеревается в целях революционной пропаганды завести связи с матросами Балтийского флота». С таким запросом начальник кронштадтского жандармского управления обратился в московскую охранку. Это было в декабре 1915 года.

Шеф кронштадтских жандармов располагал устаревшими сведениями. Буренин уже успел к тому времени установить с матросами-балтийцами тесные связи. Одним из его друзей и помощников был матрос с миноносца «Сибирский стрелок» Николай Верещагин, потомственный московский рабочий, сын маляра депо Москва-Сортировочная.

По поручению Буренина Верещагин распространял большевистские листовки среди команд миноносцев и линкора «Петропавловск». За это он был брошен в плавучую тюрьму. А 1 января 1916 года в охранку поступило донесение: «Сего числа с плавучей казармы № 1 бежал матрос Верещагин. Побег совершен через 8-й бастион Военной гавани».

Если бы сыщики не потеряли след Верещагина, они бы поспешили за ним в Петроград к дому на Рузовской улице. В новогоднюю ночь Буренин услышал стук в дверь. Открыв ее, он увидел своего молодого друга, балтийского моряка. Верещагин едва стоял на ногах. Отмороженные его уши и руки побелели. Матроса приютили, согрели. Но дом, за которым уже давно вела наблюдение полиция, не мог служить надежным убежищем для человека, бежавшего из-под ареста. Ему надо было срочно покинуть Петроград.

Верещагин очень удивился, когда узнал, что некий поручик Игнатьев согласен укрыть его

от полиции и взять к себе в вестовые.

Вскоре, однако, Верещагину стало известно, что Александр Михайлович Игнатьев – старый друг Буренина, его близкий соратник, товарищ по революционной работе. Вместе с Игнатьевым Верещагин уехал на фронт. Там он помогал Александру Михайловичу вести большевистскую пропаганду среди солдат.

Бывший балтийский моряк Николай Федорович Верещагин здравствует и поныне, живет под Москвой. Незадолго до смерти Буренина он побывал в Ленинграде. Трогательной была встреча старых боевых товарищей.

После победы Великого Октября Н. Е. Буренин целиком отдался своему любимому делу – искусству. Он работал в Комиссариате театров и зрелищ, а затем в театральном отделении отдела народного образования Петросовета.

В 1921 году Николай Евгеньевич был назначен заместителем торгпреда РСФСР в Финляндии, а затем работал в советском торгпредстве в Германии.

Благодаря Н. Е. Буренину найдены драгоценные исторические документы. Так, например, в 1934 году он разыскал в Швейцарии и привез в СССР несколько десятков писем В. И. Ленина и Н. К. Крупской к А. В. Луначарскому. Эти письма хранятся ныне в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Ценные материалы передал Буренин Институту мировой литературы имени А. М. Горького, историко-революционным музеям Москвы и Ленинграда.

Николай Евгеньевич был членом Союза советских писателей. Его перу принадлежат яркие, содержательные мемуары, пользующиеся у читателей большим успехом.

...Я вспоминаю декабрьский день 1959 года, когда Николаю Евгеньевичу исполнилось семьдесят пять лет. Оживление царило в квартире на Рузовской. Среди гостей были ветераны Сестрорецкого завода. Еще в дни первой русской революции они, члены заводской боевой дружины, познакомились с Бурениным. И в этот день, десятки лет спустя, пришли позжать ему руку:

– Поздравляем вас, дорогой Герман Федорович!

Николай Евгеньевич благодарил. Он был взволнован, услышав свою давнишнюю партийную кличку.

Ребята – школьники повязали Николаю Евгеньевичу пионерский галстук. Они пришли поздравить дедушку Буренина, который часто встречался с ними, рассказывал им о своей жизни, о встречах с Лениным, Горьким. Буренин обнял своих юных друзей, сказал:

– Так и есть, не выдержал старик, прослезился. Уж очень мила моему сердцу эта курносая публика...

Умер Николай Евгеньевич Буренин в 1962 году. Старые большевики, писатели, музыканты, актеры, студенты и школьники провожали в последний путь ветерана революции, человека большого мужества и редкого душевного обаяния. Ленинградцы помнят своего славного земляка.